
ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ФЕВРАЛЬ 1809.

№ 4.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

КАКОЙ ДЕНЬ

или

СЕМЬ ЖЕНЩИНЪ,

Аллегорическая сказка.

Фабрицй, воспитанный въ провинціи, узналъ все, чему обыкновенно участь молодыхъ дворянъ; но есть, онъ ничего не зналъ, а всего менѣе, какъ быть щасливымъ. Онъ былъ, мягкаго сердца, слабаго характера, любилъ добро, но ждалъ отъ случая своихъ добродѣтелей — или пороковъ! Въ семействѣ его хранилось преданіе, что людямъ надобно жениться въ двадцать лѣтъ: Фабрицйо минуло уже девятнадцать — онъ пылалъ ревностію удвоить существо свое и жить въ счастіи постоянно.

Пятидесятилѣтняя сосѣдка, которая обо всемъ заботилась, съ того времени, какъ никто уже объ ней не заботился, вызвалась исполнить желаніе нашего Героя. Она безъ мѣры хвалила ему достоинство дѣвицы Софіи; увѣряла, что она выдетъ за него; увѣряла даже, что Софія дала слово. Опець, доброй сельской дворянинъ, вѣрилъ ей слѣпо; а сынъ, внимательно слушая краснорѣчивое описаніе Софіинныхъ прелестей, которое словоохотная пріятельница десять разъ въ день повторяла, былъ уже по уши влюбленъ въ незнакомку.

Сказать правду, Софія заслуживала всѣ похвалы, и была такъ благоразумна, любезна, добродѣтельна, что люди называли ее *плѣнительнымъ . . . уродомъ* девятаго — надсять вѣка. Будучи независима и свободна во всѣхъ отношеніяхъ, она поселилась въ сельскомъ домикѣ близъ столицы, въ тихомъ, прекрасномъ уединеніи, которое могло казаться жилищемъ Философіи. Софія въ самомъ дѣлѣ любила Философію какъ душу, и называлась почти ея именемъ. Прелестная! я не оскорблю тебя, и не скажу, чтобы всѣ восхищались тобою. Нѣтъ, легкомысліе находило тебя излишно строгою, а лицемеріе излишно вольною; то есть, ны

могла бы всѣмъ полюбиться, естли бы рѣшилась быть менѣе добродѣтельною и чистосердечною.

Фабриція собрали въ дорогу, и спарикъ, отецъ его, чуть не плакалъ о томъ, что не могъ съ нимъ ѣхать. Но спаросить и болѣзни, мѣшая ходить, не мѣшали ему съ утра до вечера надѣлять сына богатствомъ родительскихъ наставлений. Онъ болѣе всего совѣтовалъ ему ѣхать прямо къ Софіи, не заѣзжая въ городъ; опасный для молодыхъ людей. Фабрицій искренно обѣщалъ исполнить волю его; но спарикъ, съ величайшимъ жаромъ описывая всѣ опасности сего проклятаго города, мало по малу возбудилъ въ сынѣ большое желаніе узнать ихъ опытомъ.

Онъ поѣхалъ, верхомъ, на старой лошади, взявъ съ собою спараго слугу; прѣхавъ къ городской заставѣ, остановился въ пракширѣ, отправилъ домой лошадей и слугу; отужиналъ какъ дорожной, заснулъ какъ любовникъ, и проснулся 25 Маія съ радостнымъ, новымъ для себя чувствомъ. Сей день долженъ былъ соединить его съ милою Софіею и довершить двадцатый годъ его жизни! Такая мысль веселила Фабриція несказанно. Служанки видѣли, что онъ прыгалъ отъ

радосни въ своей горницѣ какъ ребенокъ, и между стѣмъ убирался передъ зеркаломъ какъ романической любовникъ.

Софія жила за городомъ съ другой стороны, и Фабрицію надлежало выбрать одну изъ двухъ дорогъ: или городомъ или полемъ. Опецъ ужасалъ его первую; но другая казалась ему скучною, единообразною, утомительною. Сверхъ того солнце и пыль могли испортить свадебный нарядъ его. Онъ нечувствительно вступилъ въ ученый разговоръ съ самимъ собою, судя такимъ образомъ:

„Опецъ мой хочетъ, чтобы я сдѣлался мудрецомъ; а мудрецъ долженъ все видѣть собственными глазами. Опецъ мой доброй человекъ; но живучи въ деревнѣ, онъ давно забылъ свѣтъ и людей — иначе городъ не казался бы ему ужасною пропастью. Это несправедливо и даже смѣшно! Умной человекъ вездѣ найдетъ себѣ дорогу; взглянетъ на то, на другое; все замѣтитъ и все въ воспользуется.“

Однакожь, не смотря на такія логическія усилія, Фабрицій все еще колебался, вынедуги изъ практира. Можетъ быть онъ даже и хотѣлъ илини полемъ, но ошибкою вошелъ въ городскія ворота, успрямляя глаза на многе предметы, но

сердцемъ любя одну Софію и безпрестанно твердя имя ея.

Спустивъ едва десятив или двадцать шаговъ, онъ увидѣлъ безумную женщину, которая, выскочивъ изъ вѣтренной мельницы, прыгала и верпѣлась, пѣла или кричала Ипаліянскія ношы. Морщины углублялись на ея кожѣ, но цвѣтъ лица казался свѣжимъ; она была съ волосами и въ парикъ — съ покрываломъ, но безъ рубашки; чѣмъ болѣе удивляла своего чудеснестію, тѣмъ болѣе нравилась шолпѣ людей. Она подбѣжала къ Фабрицію, схватила его за руку и засмѣялась во все горло.

Ф а б р и ц і й.

Ты не учлива.

М о д а.

А ты смѣщенъ! . . . ха! ха!

Ф а б р и ц і й.

Но чему же, еслили дозволишь спросить?

М о д а.

Бѣдной, жалкой человѣкъ! Посмотри на себя: ты одѣтъ по смаринному; такъ, какъ люди въ прошедшую недѣлю одѣвались.

Ф а б р и ц ѣ й.

Можно ли? развѣ на мнѣ не Шотландской галстукѣ, не Фригійскоѣ жилетѣ, не Малабарскіе панталоны (*)?

М о д а.

Нещасной! откуда пришелъ ты? Развѣ не знаешь, что теперь не лзя показаться въ люди безъ Квакерскаго фрака, Лапландскихъ башмаковъ, Арабскаго жилета, Эпрусскихъ панталоновъ и Кипайской рубашки? Поди за мною: я въ минушу сдѣлаю изъ тебя прекрасное сокращеніе всѣхъ чудесъ міра.

Ф а б р и ц ѣ й.

У меня нѣтъ времени; завтра, еслили угодно. . . .

М о д а.

Завтра! будешь поздно; пойдѣмъ теперь же посмотрѣнь новыя карпины въ залѣ живописи.

(*) Это сочиненіе, вѣковъ черезъ десять, безъ сомнѣнія будетъ классическимъ; и для того счипаю за нужное увѣдомишь будущихъ извѣстителей онаго, что я называю здѣсь моды вымышленными именами; назвалъ бы ихъ и подлинными, еслили бы не зналъ, что онѣ должны переимѣниться во время печатанія сихъ листовъ. Попомощво ошалося бы въ томъ же невѣдѣніи, а я лишился бы славы изобрѣшенія.

Ф а б р и ц и й.

Я читалъ въ Журналѣ, что онѣ никуда не годятся.

М о д а.

Нужды нѣтъ! я влюблена въ живописца. Опшуда поѣдемъ въ Оперу.

Ф а б р и ц и й.

Говорятъ, что новая музыка похожа на барабанъ.

М о д а.

Невѣжда! я сочинида ее. Изъ Оперы поѣдемъ смѣяться на Математическія лекціи.

Ф а б р и ц и й.

Я не разумѣю Математики.

М о д а.

Кто же изъ насъ разумѣетъ ее? А тамъ сядемъ въ коляску, самую опасную и модную; проскачемъ изъ конца въ конецъ города; заѣдемъ подышать свѣжимъ воздухомъ въ пыли и утолимъ жажду ромомъ (*).

Ф а б р и ц и й.

Все это не пріятно и не благопрістойно.

(*) Авторъ смѣется здѣсь надъ Парижскими модами, гульбищами и проч. — *Примѣчаніе Издателя.*

М о д а.

М пріятно и благопрістойно, когда я хочу того. Нравы зависятъ отъ моихъ прихотей, удовольствія и достоинства отъ моей безразсудной воли. Отъ меня люди не носятъ того, что прилично; не бывають шамъ, гдѣ быть должно; не дѣлають, что хорошо и мило. Для того обожаютъ меня въ свѣтѣ.

Ф а б р и ц і й.

Я обожаю одну Софію, и для того хочу на ней жениться.

М о д а.

Ха! ха! ха!

Ф а б р и ц і й.

Смѣйся! мнѣ нѣтъ нужды въ твоёмъ одобреніи.

М о д а.

Напротивъ, другъ мой, я рада такому намѣренію, и теперь не опешану отъ тебя. Пойду къ женѣ твоей, и клянусь, что, слѣдуя моимъ совѣшамъ, она черезъ мѣсяцъ сдѣлаешь тебя . . . моднымъ мужемъ.

Ф а б р и ц і й.

Жесткокая пиранка! я знаю власть твою: пощади меня. Возьми лучше нѣсколько лѣтъ моей жизни.

М о д а.

Что мнѣ въ твоихъ лѣпахъ? Я всякой день перемѣняюсь, и не умираю.

Ф а б р и ц і й.

Вспомни, что ты можешь подарить ихъ любимцамъ своимъ. Сколько сѣдыхъ красавицъ у тебя въ услугахъ!

М о д а.

Да — это правда. Что даешь мнѣ?

Ф а б р и ц і й.

Любовникъ не споргуется. Я даю тебѣ четыре года.

М о д а.

По рукамъ! Но скажу тебѣ изъ дружбы, что четыре года должно всегда называть *Олимпиадою*.

Ф а б р и ц і й.

Прости, безумная; я иду жениться.

М о д а.

Прости, дикарь; я бѣгу въ кукольную комедію.

Это приключеніе не сдѣлало сильнаго впечатлѣнія въ сердцѣ нашего Героя; онъ рѣшился только итти скорѣе... Но вдругъ **видитъ** молодую дѣвицу, хорошо одѣтую, прелестную, копорая, облокотясь на камень, и взглянувъ умильно на Фабриція, дрожащимъ голосомъ едва могла сказать ему: „Чувствительной молодой человекъ! „я живу въ двухъ шагахъ отсюда; но „такъ слаба, что не могу дойти безъ „твоей помощи.“ — Фабрицій не былъ

шигромъ, и подалъ руку больной красавицѣ. Она шла съ нимъ, не говоря ни слова, и — конечно отъ усталости, или отъ нѣжныхъ благодарныхъ чувствъ — прижимала руку его къ своей высокой груди, которая волновалась и трепещала подъ его пальцами. Фабрицій душевно благодарилъ ее за такую даску, и жалость его, сперва легкая, обратилась наконецъ въ какое пріятное чувство, что онъ уже безъ всякихъ опговорокъ вошелъ въ домъ къ нѣжной красавицѣ.

Ея комнаты были убраны великолѣпно и съ тонкимъ вкусомъ; вездѣ курились ароматы, опасные для новыхъ людей. Прелестница засмѣялась, сбросила съ себя покрывало, и явилась въ помъ модномъ нарядѣ, кошорой только *гиперболически* можно назвать одеждою. Лице ея въ одинъ мигъ перемѣнилось; скромный видъ сраданія уступилъ мѣсто какому-то соединенію помности съ дерзостію, понятному для людей опытныхъ. Но изумленный Фабрицій не чиналъ о такихъ странностяхъ въ Овидіевыхъ *Метаморфозахъ*, и стоялъ неподвижно. Нимфа *Сластолюбія* подошла къ нему съ ласкою.

С л а с т о л ю б і е .

Фабрицій! что ты думаешь ?

Фабрицій.

Удивляюсь.

Сластолюбіе.

Ты извинишь невинную хитрость мою. Я искала случая: опкрышь жебѣ свою любовь.

Фабрицій.

Вы шупите надо мною.

Сластолюбіе.

Нѣтъ, я искренна, и хочу пивоей искренности. Скажи, что обо мнѣ думаешь?

Фабрицій.

Не могу еще судить о характерѣ; но ваша наружность мила, улыбка ласкова, привлекательна; и сердце мое — не знаю, снѣ чего — сильно бьется.

Сластолюбіе.

И такъ хочешь оспаться со мною?

Фабрицій.

Ахъ, нѣтъ!

Сластолюбіе.

Оіпказь не учтивѣ.

Фабрицій.

Нынѣшній день я занятъ; могу припкати завтра.

Сластолюбіе.

Завтра! это слово мнѣ неизвѣстно.

Фабрицій.

Но благоразуміе велитъ думать о будущемъ.

С л а с т о л ю б ѣ е.

Въ свѣтѣ благоразумно одно удовольствіе. Я хочу, чтобы всякой день жизни моею былъ опнынѣ сутками праздника.

Ф а б р и ц ѣ й.

Я не такъ богатъ; а ешьли разорюсь.

С л а с т о л ю б ѣ е.

Открой этотъ ящикъ, наполненный картами. Играй: въ глупцахъ не будешь недоспашка.

Ф а б р и ц ѣ й.

Но вы прелестны, а я ревнивъ. Ешьли будушь у меня совмѣстники. . .

С л а с т о л ю б ѣ е.

Загляни въ другой ящикъ: шутъ множество кинжаловъ; дозволяю тебѣ выбиратьъ.

Ф а б р и ц ѣ й.

Это хорошей способъ; соглашаюсь. Но признаюсь, что такія живыя удовольствія пугаютъ меня; здоровье мое не перенесетъ того.

С л а с т о л ю б ѣ е.

Милой другъ! я все предвидѣла: у меня готовы билеты для входа въ гошпиаль; ими дарю друзей моихъ при разлукѣ. Всему бываетъ конецъ; сыпой челоуѣкъ въспаешь изъ-за спода безъ сожалѣнія.

Ф а б р и ц и й.

Слуга покорной, милоспивая государыня! я иду обѣдать въ деревню.

С л а с т о л ю б и е.

Тише, государь мой. Кло вошелъ сюда, тому не легко выпши.

Ф а б р и ц и й.

Какъ! ты хочешь сковать меня, и желѣзные узы свои обвиваешь цвѣтами!

. . . О Софія! Софія!

С л а с т о л ю б и е.

Теперь бѣги изъ моихъ объятий, еспьди можешь!

Ф а б р и ц и й.

Пусти меня; я принадлежу Софіи.

С л а с т о л ю б и е.

Я имѣю право на пвою молодость, и не хочу лишиться его.

Ф а б р и ц и й.

Послушай: ты, кажешься, не зла, и любишь распочать свое здоровье — возьми нѣсколько лѣтъ изъ моей жизни! Я такимъ же образомъ выкупилъ себя изъ рукъ Моды.

С л а с т о л ю б и е.

Хотя я всегда одинакова, однакожь слѣдую иногда Модѣ. Хорошо: ея примѣръ убѣждаетъ меня.

Ф а б р и ц и й.

Даю тебѣ восемь лѣтъ.

С л а с т о л ю б ѣ е .

Восемь лѣтъ! судя по твоей Философской осанкѣ, я увѣрена, что тебѣ больше и дать нечего. Поди!

Ф а б р и ц ѣ й .

Дозволь мнѣ прежде, опасная красавица, за восемь лѣтъ взять съ тебя одинъ изъ шѣхъ пюцблугевъ, которыми ты осыпала меня даромъ.

С л а с т о л ю б ѣ е :

Вонъ, вонъ, Философской ученикъ!

Она отворила похаенную дверь, и своими нѣжными руками сполкнула Фабрицѣю съ лѣсницы; бѣднякъ полетѣлъ внизъ головой, и вдругъ очутился на кучѣ навоза, копорымъ всегда бываетъ окруженъ домъ сластолюбія. Не имѣя никакой опытности въ свѣтѣ, Фабрицѣй не понималъ, какъ пріятное начало могло довести его до такого гнуснаго конца. Онъ не жалѣлъ еще о поперянныхъ осьми годахъ своихъ. Молодые люди, подобно безразсудному, копорой въ решетѣ несетъ воду, не думаютъ о томъ, что дни ихъ исчезаютъ. Можетъ быть Фабрицѣй воображалъ, что условіе его было шуточное; ибо человекъ любитъ обманывать себя, когда у него безпокойна совѣсть. По крайней мѣрѣ онъ сдѣлалъ то, чего благоразуміе требовало въ его обстоятельствѣхъ; а именно, вспаль-

и скорыми шагами удалился отъ опаснаго дому.

Онъ благополучно прошелъ двѣ или три улицы. Тутъ встрѣпилась ему высокая, худая женщина, весьма замѣтная широкимъ рпомъ своимъ и длинными, сухими руками. На лбу у нее была печать, на груди связка перьевъ, и надпись: докладъ; экстрактъ; тотъ виноватъ, кто правъ; тотъ правъ, кто виноватъ. Въ рукѣ держала она веревку, въ знакъ того, что умѣетъ ко всему привязываться, а въ случаѣ нужды и задавить испину. Фабрицкій могъ бы уйти отъ нее; но благоразуміе молодыхъ людей помнитъ только прошедшійя глупости, и Герой нашъ думалъ, что въ свѣтѣ надобно бояться однѣхъ милостивыхъ прелестницъ, которыя падаютъ въ обморокъ на улицахъ. Онъ былъ совершенно покоенъ въ душѣ своей, когда сухая женщина схватила его за руку. Эпа Мегера была ничто иное, какъ Ябеда; но она такъ часто и громко кричала: я правосудіе, правосудіе! что люди, зажимая себѣ уши, дали ей слово называющъ се впредъ симъ именемъ.

Ф а б р и ц к і й.

Ай! ай!.. Обрѣжьте себѣ ногти, сударыня! вы прокололи меня до самой кости.

Правосудіе.

Ногши слава моя.

Фабрицій.

Я спѣшу. Чпо вамѣ надобно?

Правосудіе.

Все. — (Слова Правосудія и мѣютъ такую сильную привлекательность, что кошелекъ Фабриціевъ самъ собою выскочилъ изъ его кармана, поднялся на воздухъ и влетѣлъ въ ротъ къ тудовищу.)

Фабрицій.

Воровка!

Правосудіе.

Безполезной крикъ! — (Часы Фабриціевы летятъ туда же.)

Фабрицій.

Злодѣйка! разбой! разбой!

Правосудіе.

Молчи, или я подамъ челобитную. — (Вексель, данный отцомъ сыну, также летитъ въ ротъ къ Ябедѣ.)

Фабрицій.

Карауль! карауль! — (Прибѣгаетъ толпа канцеляристовъ; они бросаются на Фабриція, дерутъ его за волосы, режутъ на немъ кафтанъ, и выливаютъ ему бѣпылку тернилъ на голову.)

Правосудіе.

Нещасный! заплани по этому векселю.

Фабрицѣй.

Эпо не моя рука!

Правосудіе.

Нужды нѣтъ! мы будемъ судиться.

Фабрицѣй.

Я не имѣю времени; мнѣ надобно
женишься на Софїи.

Правосудіе.

Бракъ незаконной!

Фабрицѣй.

Какая привязка! родители согласны.

Правосудіе.

Мужъ не въ совершенномъ разумѣ!

Фабрицѣй.

Ты сама безумная!

Правосудіе.

Когда ты смѣешь грубить, такъ на
мнѣ самой женишься.

Фабрицѣй.

О ужасъ!

Правосудіе.

Миленькой! поди за мною — бить че-
ломъ, ползать, лгать и плашить деньги.

Фабрицѣй.

Не могу;пусти меня.

Правосудіе.

Въ тюрьму! на галеры!

Фабрицѣй.

Ахъ, госпожа Правосудіе! извините. Вижу, что съ вами не должно спорить. Подмирится: что вамъ надобно?

Правосудіе.

Пятнадцать лѣтъ жизни твоей.

Фабрицѣй.

О! слишкомъ много. Адвокаты тебя испортили. Даю два года.

Правосудіе.

Десять; меньше никакъ не лзя; и то мнѣ въ убытокъ.

Фабрицѣй.

Возьми пяць, или я застрѣлюсь, чтобы отъ тебя отдѣлаться.

Правосудіе.

Ты шаспливъ, что меня дожидаются челобитчики. Хорошо; я беру пяць. Прости.

Фабрицѣй.

Возврати же мнѣ кошелекъ.

Правосудіе.

Глупецъ!

Фабрицѣй.

Хотя часы.

Правосудіе.

Правосудіе беретъ, а не отдаетъ.

Фабрицѣй.

Отдашь, говорю тебѣ — или...

Правосудіе.

Ба! ты смѣешь брашь меня за воровъ .
Негодяй! развѣ ты судья? — (*Царалаеиѣ
ему глаза.*)

Фабриціи.

Помилуй! ты ослѣпишь меня!

Правосудіе.

Нѣтъ, я оставлю тебѣ глаза, чтобы
ты плакалъ во всю жизнь свою. Впрочемъ
знай, что я обошлась съ тобою еще мило-
спивѣе, нежели съ другими.

Фабриціи.

Благодарю, милоспивая государыня,
и цѣлую вашу сильную руку.

Какъ грозы приводятъ въ зрѣлость
жапву, такъ *схватки* съ правосудіемъ
чудеснымъ образомъ ускоряютъ зрѣлость
ицей. Фабриціи спалъ гораздо умнѣе, и
хотя еще не признавался внутренно, что
ему надлежало бы итти къ Софіи полемъ,
однакожь чувствовалъ нужду бычье осно-
рожиѣ въ городѣ. Всего болѣе успокоило
его то, что онъ, удаляясь отъ Ябеды,
вошелъ въ *улицу театра*. Эпо имя каза-
лось ему щастливымъ предзнаменованіемъ:
какъ думашъ, чтобы люди, собираясь
для забавы, хопѣли дѣлать зло?

Въ этотъ день играли новую траге-
дію. Толпа людей шѣснилась въ дверяхъ;

старая женщина шептала имъ что-то на ухо. Всякой, видя ея косые глаза и желтый цвѣтъ лица, узналъ бы въ ней *зависть*, которую еще называютъ и другими именами, основанными на ея свойствахъ; на примѣръ, *злословіемъ*, *клеветою* и пр.; но добродушной Фабрицѣй не зналъ и того, что она есть на свѣтъ, и обмануемый наружностію, счелъ ее поспницею; только не понималъ, для чего такая важная дама прется между людьми, идущими въ спектакль.

Но занимаясь невинными своими мыслями, онъ заштался ногами въ веревкахъ, протянутыхъ черезъ улицу, и разбилъ себѣ носъ до крови. *Зависть* радостно улыбнулась, и доказала тѣмъ, что эта сѣшь была ею разспавлена. Она бросилась къ Фабрицѣю, какъ паукъ къ мухѣ, и желая будто бы помочь ему, уронила его снова. Когда онъ всталъ, мнимая поспница начала говорить.

З а в и с т ь .

Здравствуй, любезной Фабрицѣй! Я очень рада, что могу опдаться справедливости швоему достоинству.

Ф а б р и ц ѣ й .

Благодаренъ за честь.

Зависть.

Мнѣ нужно перо твое, чтобы написать пасквиль на одну женщину, которая смѣетъ быть умнѣе меня.

Фабрицѣй.

Сохрани меня Богъ отъ такого сквернаго ремесла!

Зависть.

Лицемеръ, лицемеръ! Развѣ не извѣстно, что ты сочинитель новой сапирьы?

Фабрицѣй.

Этой глупости, злой и поспыдной...

Зависть.

Да, да! Я это сказала, а теперь всѣ рады божишься, что ты написалъ ее.

Фабрицѣй.

Какая грусная клевета!

Зависть.

Виноватые обыкновенно такъ говорятъ. Но это еще не все. Ты жалѣешь о бѣдныхъ жертвахъ Фанатизма: слѣдственно ты Фанатикъ.

Фабрицѣй.

Развѣ человеколюбіе есть также предразсужденіе?

Зависть.

Предразсужденіе! хорошо, хорошо: ты атеистъ!

Фабрицѣй.

Трудно будетъ доказать, по чему?

Зависть.

Все доказано, когда ты поносишь
Правленіе.

Фабрицїй.

Я не сказалъ объ немъ ни слова.

Зависть.

Еще лучше. Кипо молчаніе, томъ
мыслишь злое.

Фабрицїй.

Ахъ! я мышлю единспвенно о томъ,
какъ бы скорѣ женишься на Софїи.

Зависть.

Клянуся адомъ, что не женишься!
Я бѣгу сказать невѣспѣ, что ты со-
всѣмъ разорился; что ты гнусной чело-
вѣкъ, распушной, негодной; что каждая
мысль швоя есть злодѣиснво.

Фабрицїй.

Какую же вѣрояпность можешь при-
данъ злобной клеветѣ своей?

Зависть.

У меня есть сапиры, письма, Жур-
налы, каррикапуры.

Фабрицїй.

А у меня невинность и добродѣпель.

Зависть.

Простыя мѣщанки, которыя всѣмъ
скучны! Я терзаю съ улыбкою; злоснь
прибавляешь; равнодушіе повпоряешь;
дружба сомнѣвается; и наконецъ, ошь

миролюбія или для забавы, всё вѣрятъ словамъ моимъ. Повѣрь и ты, Фабрицій, и бросься въ рѣку: я изъ милости оспариваю тебѣ это послѣднее утѣшеніе.

Ф а б р и ц і й.

Но за что ты ненавидишь меня?

З а в и с т ь.

За то, что ты — живъ!

Ф а б р и ц і й.

Какой ужасъ! Поспой: я обнаружу тебя, гнусная Фурія!

З а в и с т ь.

Люди! бѣгите сюда; схватите этого злодѣя. Онъ убилъ трехъ женщинъ; онъ бросилъ яду въ городской колодезь; онъ. . . .

Ф а б р и ц і й.

Тише! тише! люди окружаютъ насъ.

З а в и с т ь.

Тѣмъ лучше; скорѣе растерзаютъ тебя. . . . Онъ зажигальщикъ. . . . Смолчите, какъ совѣсть мучитъ его; какъ онъ блаженъ!

Ф а б р и ц і й.

Адская богиня! я покоряюсь тебѣ. Желтое лице твое показываетъ нездоровье: возьми нѣсколько лѣтъ моей жизни, и забудь меня!

Зависть.

Что мнѣ въ твоихъ лѣпахъ? Зависть не умираетъ; но я беру ихъ, единственно для того, чтобы опинять у тебя.

Фабрицѣй.

Два года; милоспивая государыня, будутъ ли достойнымъ васъ даромъ?

Зависть.

Нещасный! развѣ ты не знаешь, что я смерпельно уязвляю? Хотя лѣтъ черезъ десять рана иногда и закрывается, но опврапипельный знакъ ея навсегда остаётся. Ты глупецъ, ничего не знаешь, не бываль при Дворахъ — и для того беру съ тебя не болѣе семи лѣпъ.

Фабрицѣй.

Да будетъ воля твоя!

Зависть.

Теперь мы друзья; послушай: еспьли будутъ у тебя опасные совмѣспники, увѣдомь меня — я очипцу дорогу.

Фабрицѣй.

Много милоспи! Я радъ и тому, что самъ уцѣлѣлъ.

Эта встрѣча произвела сильное дѣйспвіе. Фабрицѣй, стыдясь своей безразсудности, жалѣлъ сердечно, что не послушался спарика, опца своего, и зашелъ въ такую развратной городъ. Еспьли бы не опасно было возвратипсь назадъ, шо

онъ конечно бы имѣлъ сію твердость; но такова бѣдственная доля смертныхъ, что опытность всегда уже поздно открываетъ имъ истину.

Фабрицій не шелъ, а бѣжалъ къ той части города, за которою жила Софія. Улица была гладка и широка, а Фабрицій оспороженъ. Вдругъ жестокой ударъ въ ногу остановилъ его. О Небо! передъ нимъ опять женщина, и пятая, еспли мы не ошибаемся въ счетъ. Бѣдной молодой человѣкъ!.. но едва ли можно назвать его молодымъ послѣ всего, что съ нимъ случилось.

Ф а б р и ц і й.

Тише, сударыня: вы наступили мнѣ на ногу.

П о д а г р а.

Маленькая ласка, другъ мой!

Ф а б р и ц і й.

Провались она сквозь землю! У тебя желѣзной каблукъ. Я не могу опоять. *(Садится на лавку у воротъ огромнаго дому.)*

П о д а г р а.

Привыкнешь, мой милой!

Ф а б р и ц і й.

Поди прочь, или я разсержусь!

П о д а г р а.

Ты меня опшалакиваешь, неблагодарный. Ласки мои обезоружаютъ тебя

Ф а б р и ц и й.

Боже мой! и руки пухнушбъ; пальцы
нѣмѣюшбъ и кривяшся!

П о д а г р а.

Нѣжный другъ! я вхожу въ себя.

Ф а б р и ц и й.

Какая мука! Не можешь ли хотя на
минуточку выпши изъ ногъ и рукъ моихъ?

П о д а г р а.

Изволь, голубчикъ; я поднимусь въ
грудь или въ голову.

Ф а б р и ц и й

Нѣшбъ, нѣшбъ! ради Бога!

П о д а г р а.

Хорошо, миленькой; я останусь на
прежнемъ мѣстѣ.

Ф а б р и ц и й.

Ахъ! какая боль! . . еще сильнѣе! . .
Въ нервахъ моихъ горящія иглы; кости
мои кипятъ и разрушаются. Оспавъ,
оспавъ меня, злобная Фурія!

П о д а г р а.

Кричи, кричи, мой Ангелъ, естли
это облегчаетъ боль. Брани меня, сколько
хочешь; я не перестану любить тебя.

Ф а б р и ц и й.

Прекрасная любовь!

П о д а г р а.

Ты не вѣришь, красавчикъ, что я
лучшій другъ твой?

Фабрицѣй

Доказательства убедительны!

Подагра.

Слушай, что я могу для тебя сделать, жестокой. Взгляни на развратность юношей, и суди, какъ безразсудно вели бы себя люди и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, естли бы я, къ счастью, не удерживала ихъ на пути разсудка. Вы должны починать во мнѣ испительницу бѣдныхъ и наставницу рода человѣческаго. Естли на землѣ видна еще нѣкопорая добродѣтель, то благодарите меня.

Фабрицѣй.

Мнѣ не было въ тебѣ нужды, чудовище! Я шелъ жениться на Софїи.

Подагра.

Жестокой! ты имѣешь сердце говорить, что у меня есть совѣстница! Такъ и бышь: поди, женись на ней!

Фабрицѣй.

Не могу пронуться. Добродѣтельная Подагра! всякому жить хочется, а тебѣ еще болѣе, нежели другому: отдаю часть жизни моей; только опусти меня къ невѣстѣ.

Подагра.

Ты мнѣ жалокъ; я буду снисходительна. Послушай: у меня есть вѣрующее

письмо отъ сестеръ моихъ, другихъ болѣзней; буду торговаться и за нихъ.

Ф а б р и ц и й.

Я готовъ.

П о д а г р а.

Три года на все!

Ф а б р и ц и й.

Съ радостію. Ахъ! шеперь вижу, что ты въ самомъ дѣлѣ другъ мой.

П о д а г р а.

Погоди, погоди! три года для Нашуры; а что Медикамъ?

Ф а б р и ц и й.

Какъ! ты и за нихъ хлопчешь? Я думалъ, что вы непріятели.

П о д а г р а.

Напрошивъ: мы живемъ дружно. Болѣзнь питаетъ Доктора, Докторъ питаетъ болѣзнь.

Ф а б р и ц и й.

Говори же скорѣе, что надобно ученымъ господамъ?

П о д а г р а.

Я справлюсь съ тарифомъ. . . Вотъ онъ: болѣзни естественной три года; прибавокъ Медицины семь лѣтъ. Всего на все десять.

Ф а б р и ц и й.

Тутъ нѣтъ соразмѣрности; это ужасно — это аптекарской счетъ.

Подагра.

Знаю, и мнѣ совѣстно; но что дѣлать? Таковъ нынѣшняго году тарифъ; и чѣмъ Медики будутъ ученѣе, тѣмъ хуже для больныхъ.

Фабрицѣй.

Когда такъ, согласенъ. Просни, госпожа Подагра, и навсегда.

Подагра (заливаясь слезами).

Просни, другъ милой. Старайся найди въ Философіи ту опору, которую во инѣ теряешь.

Фабрицѣй (про себя).

Провались, старая вѣдьма! Слава Богу, что я вырвался изъ когтей своихъ!

Всякой разъ, когда Фабрицѣй впадалъ въ заблужденіе, онъ старался загладить свой прослупокъ какимъ нибудь мудрымъ разсужденіемъ, и тѣмъ утѣшался. Но какъ онъ не имѣлъ сполько догадки, что бы въ подагрѣ видѣть слѣдствіе прежнихъ своихъ слабостей, то на сей разъ чувствовалъ въ сердцѣ одно уныніе и грусть. Съ другой стороны бѣдныя ноги его хотя избавились опъ боли, однакожь сдѣлались какъ - то *робки*, подобно всякаго роду несчастнымъ.

Въ душевномъ и тѣлесномъ разслабленіи Фабрицій сидѣлъ неподвижно на лавкѣ, какъ вдругъ съ великимъ шумомъ отворились ворота огромнаго дому : вышла Дама почтеннаго виду. Голова ея весьма гордо поднималась вверхъ, хопя знапки могли бы примѣнить, что она какъ-то не твердо держалась на плечахъ. Богатая одежда не закрывала дурныхъ, полстныхъ ногъ и худыхъ башмаковъ, которые давали не хорошую идею о происхожденіи и привычкахъ сей знашной госпожи, называемой *Честолюбіемъ*.

Увидѣвъ Фабриція, она вынула изъ кармана агатовую чашу, наполнила ее цѣннѣшимъ виномъ (которое, не утоляя жажды, затемняетъ умъ), и подала нашему больному. Онъ выпилъ, хопя не все, но почувствовалъ дѣйствіе вина : бодрость въ сердцѣ и легкій жаръ въ головѣ.

Честолюбіе.

Хочешь ли одолжить меня ?

Фабрицій.

Напитокъ твой располагаетъ меня къ услужливости.

Честолюбіе.

Министрова жена потеряла любимую собаку. Сочини Элегію : набери ризы или выкрадь ихъ.

Фабрицїй.

У меня въ карманѣ книга, въ которой почно на такой случай естъ Элегія; только я боюсь украсить: Авпоръ еще живъ.

Честолюбіе.

Тѣмъ лучше; пѣмъ менѣе извѣстно сочиненіе. Поди за мною.

Фабрицїй.

Тутъ не лѣзя пройди: сводъ очень низокъ; а я люблю ходишь прямо.

Честолюбіе.

Ползи!

Фабрицїй.

Какой нахаль смѣлся надо мною, и бросаешь въ меня грязью?

Честолюбіе.

Благодари: это камердинеръ.

Фабрицїй.

На кафтанѣ моемъ оспалось пятно.

Честолюбіе.

Его уже не примѣняй, когда весь кафтанъ твой будетъ въ пятнахъ. Далѣе!

Фабрицїй.

Какая толпа у ворошь! я не могу войши.

Честолюбіе.

Толкай, бей, кусай, дави!

Фабрицїй.

Сонъ и голодъ одолеваютъ меня.

Честолюбіе.

Стой, поспись, спрадай и смѣйся!

Фабрицій.

А когда войду?

Честолюбіе.

Слушай спариковъ, забавляй старухъ; опдай деньги свои женщинамъ, а честь мужчинамъ; льспи всякому, и люби одного себя.

Фабрицій.

А долго ли будетъ мнѣ терпѣть?

Честолюбіе.

Во всю жизнь.

Фабрицій.

Какая же награда?

Честолюбіе.

Для однихъ слава, для другихъ богатство. Я махну своимъ факеломъ: окурю первыхъ дымомъ, вторыхъ осыплю чернымъ пепломъ — и все туть.

Фабрицій.

Мнѣ казалось, что ты болѣе обѣщала.

Честолюбіе.

Взгляни на это блестящее облако, на сіи рѣки золотыя, лѣса лавровые; на тысячи обожателей; на сіи палаты, колесницы, уборы; на сихъ женщинъ прекрасныхъ и снисходительныхъ. . . .

Фабрицiй.

Довольно, довольно, жестокая волнебница! Ты меня ослѣпляешь; дай мнѣ опдохнуть. . . . Ахъ! для чего, вмѣстѣ съ твоими сокровищами, не могла ты показать мнѣ и Софiи!

Честолюбiе.

Откажись отъ нее.

Фабрицiй.

Отказаться! Нѣтъ, нѣтъ!

Честолюбiе.

Пойдемъ скорѣе; время лепить.

Фабрицiй.

Я долженъ повиноваться; но, падая на колѣна, молю, заклинаю: спаси, спаси меня отъ собственной моей слабости! выгони меня отсюда!

Честолюбiе.

Будь твердъ, Фабрицiй!

Фабрицiй.

Могу ли оснавить Софiю? Совѣсть замучитъ меня!

Честолюбiе.

Предупреждаю тебя, что съ совѣстью не во многомъ успѣешь.

Фабрицiй.

И такъ дозвожь мнѣ удалиться. Я заплачу тебѣ, что угодно.

Честолюбіе.

Это будетъ дорого спойшь тебѣ. Я не увольняю никогда рабовъ своихъ; власть моя переживаетъ самую надежду. Честолюбивый давно уже во прахѣ, но честолюбіе живетъ еще во мраморахъ его Мавзолея.

Фабрицѣй.

Требуй: я на все готовъ.

Честолюбіе.

Подними голову и взгляни на меня... Хорошо; мнѣ надобно пятнадцать лѣтъ швоей жизни.

Фабрицѣй.

Это въ самомъ дѣлѣ очень дорого.

Честолюбіе!

Не торгуйся. Знай, что я ненасыпима, и въ минушу захочу болѣе.

Фабрицѣй.

Я вижу опсюда домъ Софѣинъ; самое пламя не оспановишь меня. Соглашаюсь — прости!

Честолюбіе.

Какъ онъ бѣжитъ! Щаспливой путь. — Этошъ человекъ имѣетъ душу и совѣсть; онъ для меня не годится.

На сей разъ Фабрицѣй ничего не думалъ — и тѣмъ лучше. Онъ избавился отъ великой опасности; видитъ домъ Софѣинъ, надѣется, воскресаетъ душою; лепишь —

и въ мысляхъ прикасается уже пламенными устами къ сосуду щаспія; уже хочеть спулитъ на порогъ. . . . Но вдругъ женщина, съ ужаснымъ лицомъ и съ ножицами въ рукахъ, спановишся передъ нимъ. Хотя она всегда была равно ужасна, но нѣкогда желала имѣть портретъ свой, и велѣла написать его Микель-Анджелу; по чему я избавляю себя отъ муки описывать такое чудовище. Фабрицій задрепалъ. . .

П а р к а.

Стой!

Ф а б р и ц і й.

О боги! опять женщина — и не Софія!

П а р к а.

Поди за мною.

Ф а б р и ц і й.

Ты не знаешь, что говоришь. Вотъ Софіино жилище:пусти меня.

П а р к а.

Нѣтъ.

Ф а б р и ц і й.

Мнѣ должно видѣть ее; должно на ней жениться.

П а р к а.

Нѣтъ.

Ф а б р и ц і й.

Я радъ отдать жизнь свою; только бы. . . .

Парка.

Тебѣ уже нечего опдаванья,

Фабрицій.

Какъ?

Парка.

Вотъ роспись жизни твоей: смотри.
Судьба даровала тебѣ шестидесять-девять
лѣтъ.

По утру было тебѣ	20
Ты опдалъ Модѣ	4
— — Сласполюбію	8
— — Правосудію	5
— — Зависши	7
— — Подагрѣ	10
— — Чесполобію	15
Всего	<u>69 лѣтъ.</u>

Счетъ твой вѣренъ. Всему конецъ. . .
Чикъ! (*Перерѣзываетъ нить жизни.*)

Фабрицій.

О Соф.

Онъ не успѣлъ произнести ея имени,
и упалъ мертвою на порогъ.

Бѣдной Фабрицій! увы! . . . Прежде-
временная смерть была для него щаслі-
емъ: ибо она не дала ему узнать глав-
наго его злополучія. Между тѣмъ, какъ
Фабрицій шелъ городомъ и торговался съ
коварными женщинами, Софія вышла за

мужъ. Другой осторожной человекъ пришелъ къ ней полевъ и представился въ видъ путешественника. Благоразумная дѣвица не презираетъ жениха за то, что у него загорѣло лице; а женихъ Софинъ былъ уменъ, добродушенъ и простъ въ обхожденіи. Онъ понравился и женился. Кто же хочетъ знать все до конца, тому можемъ сказать, что мужъ и жена прижили множество прекрасныхъ дѣтей, и нажили несмѣшное число всякаго добра; однимъ словомъ, все, чѣмъ волшебныя сказки при концѣ дарятъ своихъ Героевъ: ибо Исторія, какъ извѣстно, гораздо скупѣе сказокъ.

(Съ Француз.)

II.

Анекдоты изъ жизни славнаго Моцарта.

Всякой, кто имѣетъ щастіе мыслишь, съ любопытствомъ смотритъ на чрезвычайныхъ людей въ мірѣ, которыми Натура даетъ нѣжные органы, источникъ Генія, и которые не для того единственно родятся, чтобы ѣсть, пить, спать, убивать время, гонясь за фортуною, за чинами и за грубыми удовольствіями.

Славный Моцартъ принадлежитъ къ числу сихъ чрезвычайныхъ людей; онъ имѣлъ ихъ особенное образованіе, пылкія и благородныя снраспти, творческій умъ, простодушіе и слабоспи.

Іоаннъ Теофиль Моцартъ родился въ Зальдбургѣ 27 Января 1756. Отецъ его, Леопольдъ Моцартъ, былъ Капельмейстеромъ Зальдбургскаго Епископа, и скоро примѣшилъ въ сынѣ своемъ опмѣнную склонность къ музыкѣ. На пятомъ году маленькой Моцартъ сочинялъ уже менуэты, которые отецъ, желая пишать въ немъ сію охоту, писалъ подѣ его диктапурою. Сверхъ того онъ съ великою ревностію учился всему, что принадлежитъ къ хорошему воспитанію, особливо Математикѣ. Отецъ засталъ его однажды за сочиненіемъ концерта для піано - форте, и нашель, что онъ умѣлъ соблюсти всѣ правила; но сей концертъ былъ такъ пруденъ, что никто не могъ бы разьиграть его.

Въ 1762 году Леопольдъ Моцартъ поѣхалъ въ Вѣну, и предсनावилъ чудеснаго сына своего Императору. Онъ вмѣстѣ съ сестрою своею, которая была старѣе его чептырмя годами, игралъ на піано - форте въ присутствіи Императорской Фамиліи, и всѣхъ удивилъ своимъ

паланпомъ. Славный Вагензеиль былъ тогда въ Вѣнѣ. Моцартъ, которому одобреніе знапка льспило уже болѣе всего, самъ его попребовалъ, и сказалъ Императору: „надобно послать за нимъ; онъ „знапокъ.“ Францискъ I, призвавъ Вагензеиля, уступилъ ему мѣсто свое подлѣ клавесина. Ребенокъ; не боясь его присущствія, но только радуясь вниманію великаго музыканта, игралъ съ жаромъ одинъ изъ своихъ концертовъ, и велѣлъ Вагензеилю переворачивать листы! Надобно вспомнить, что ему было тогда шесть лѣтъ отъ роду.

Въ сіе время онъ началъ играть на скрипкѣ, и скоро съ удивительнымъ искусствомъ. Въ 1765 году Моцартъ съ опцемъ своимъ пріѣхалъ въ Парижъ, давалъ концерты и въ придворной Версальской церкви игралъ на органахъ. Парижъ восхищался имъ и сеспрою его; лучший гравёръ вырѣзалъ портретъ отца и дѣтей. Семилѣтній Моцартъ издалъ тогда свои первыя сочиненія и приписалъ ихъ Графинѣ Тессе.

Въ 1764 году они поѣхали въ Лондонъ; братъ съ сеспрою играли тамъ на двухъ инструментахъ такъ называемые *концерты разговоръ* (concerto dialogués), и плѣнили Дворъ, публику и славнаго Баха.

Моцартъ издалъ въ Лондонѣ 6 сонатъ и приписалъ ихъ Королевѣ.

Въ 1766 году Моцартъ въ Голландіи сочинилъ большую симфонію на случай Шшапгальперова праздника. — Баварской Курфирствъ задалъ ему однажды *музыкальную тему*, желая, чтобы онъ работалъ въ его присутствіи. Моцартъ, не выходя изъ залы, взялъ перо и написалъ все безъ помощи инструмента; въ ту же минуту разыгралъ свою піесу, и удивилъ весь Дворъ. — Въ 1768 году онъ сочинилъ въ Вѣнѣ цѣлую обѣдню для освященія Сиротскій церкви, и въ присутствіи всей Императорской Фамиліи управлялъ оркестромъ.

Въ 1769 году Моцартъ прѣхалъ въ Миланъ, гдѣ столько же удивлялись его таланту, какъ въ Германіи и въ другихъ земляхъ. Директоръ Миланскаго Театра обязалъ его контрактомъ сочинить оперу для карнавала 1771 году. Въ Болоніи славный Марпини восхищался Моцартомъ; задавалъ ему самыя труднѣйшія темы для *фугъ*, и вмѣстѣ съ другими Профессорами плакалъ отъ радости, когда четырнадцатилѣтній мальчикъ, сочинивъ, разыгрывалъ ихъ съ величайшею вѣрностію.

Онъ прѣхалъ въ Римъ на Спраспной недѣлѣ, въ самой попѣ день, когда играли и пѣли пѣсню славное *Miserere*, копорого не велѣно было никому списывать. Зная эпо строгое запрещеніе, Моцартъ пришелъ въ церковь и слушалъ съ такимъ вниманіемъ, что, возвращаясь домой, написалъ всю музыку. Черезъ нѣсколько дней повторили ту же Орапорію: онъ держалъ въ шляпѣ свой манускриптъ и мысленно поправилъ всѣ ошибки. Сей анекдотъ сдѣлался извѣстенъ въ Римѣ. Моцартъ пѣлъ въ одномъ домѣ все *Miserere*, играя на клавесинѣ, и первый Римскій Сопрано, слушая его, съ удивленіемъ сказалъ, что онъ ни въ одной нотѣ не ошибся. — Папа наименовалъ его *Кавалеромъ златой милиціи* (*auratae militiae*). — По возвращеніи своемъ въ Болонію, онъ съ великою честію принятъ былъ въ Члены *Филъармонической Академіи*.

Заклученный имъ контрактъ требовалъ его присутствія въ Миланѣ. 26 Декабря 1770 году, черезъ два мѣсяца по своемъ возвращеніи, имѣя отъ роду едва 15 лѣтъ, онъ далъ свою оперу *Минириданна*, копорую болѣе двадцати разъ сряду представляли. Директоръ театра спѣшилъ заключить съ нимъ новое обязательство, и черезъ нѣсколько време и

Моцартъ издалъ Lucio Silla , которой также представлень былъ сряду разъ тридцать. Между тѣмъ онъ сочинилъ еще въ Миланѣ Afcanio in Alba для брака Эрцгерцога Фердинанда, а въ Зальцбургѣ, на избраніе новаго Архіепископа, il fegno di Scipione.

Въ 1775 году дошелъ онъ до высочайшей степени своего искусства, и славенъ былъ во всей Европѣ, а не имѣлъ еще двадцати лѣтъ отъ роду. Въ 1777 году, будучи опять въ Парижѣ съ своею матерью, онъ къ несчастію лишился ее, и такъ огорчился, что возненавидѣлъ сей городъ, и снѣшилъ изъ него выгнать, давъ въ *духовномъ концертѣ* прогнательную симфонію и нѣсколько другихъ пѣснь.

Съ 1780 году Моцартъ поселился въ Вѣнѣ, предпочитая Императорской Дворѣ всѣмъ другимъ, которые звали его и предлагали ему гораздо выгоднѣйшія условія. Онъ женился на дѣвицѣ Веберъ; съ величайшею ревностію прудился въ своемъ искусствѣ, и умеръ тридцати шестипи лѣтъ (въ 1792 году), оставивъ двоихъ дѣтей и обогативъ Германію произведеніями своего Генія. Славнѣйшія оперы его суть: *Похищеніе изъ Сераля, Свадьба Фигаро, Донъ Жуанъ, Сои fan tutte, Огарованная флейта, Директоръ театра, Философской камень,*

Типово милосердіе, Идоменей. Всѣмъ любителямъ музыки извѣстны его симфоніи, концерны и квартеты. Последнее его твореніе, *паннида*, есть, можетъ быть, самое лучшее. Онъ занимался имъ передъ смертію, не смотря на мучительную, ужасную болѣзнь свою. Музыканты хранятъ съ благоговѣніемъ сію чудесную *лѣснь лебедя*. — Слѣдующіе анекдоты даютъ понятіе о добродушіи и характерѣ сего великаго Артиста.

Моцартъ имѣлъ ошибочное почтеніе къ Гайдну, и при всякомъ случаѣ обнаруживалъ его. Гайдень съ своей стороны говорилъ объ немъ съ величайшимъ уваженіемъ какъ о рѣдкомъ человѣкѣ. Однажды въ его присутствіи спорили о Моцартовомъ Донъ - Жуанѣ. Гайдень молчалъ: желали знать его мнѣніе. „Я скажу единственно то, отвѣчалъ онъ, „что Моцартъ есть нынѣ первый сочинитель въ свѣтѣ.“ Извѣстно, что Моцартъ приписалъ ему собраніе своихъ квартетовъ, и письмо его останется навсегда памятникомъ его скромности и почтенія къ великому Гайдну. Онъ любилъ поспорить, что Гайдень выучилъ его сочинять квартеты. Въ Вѣнѣ есть другой музыкантъ, искусный и знающій, но безъ всякаго ошибочнаго дарованія: онъ любилъ

унижать Гайдена, и со всякимъ новымъ его твореніемъ спѣшилъ къ Моцарту, чшобы показывать ему небреженіе Гайденово въ слогѣ. Моцартъ никогда не отвѣчалъ, и начиналъ говорить о другомъ; но однажды, потерявъ терпѣніе, съ великимъ жаромъ сказалъ ему: „знайпе, го- „сударь мой, чшо естли и васъ и меня „распопипъ вмѣстѣ, по изъ насъ не вы- „дешъ еще ни половины Гайдена.“

Безкорыстіе его было удивительно. Завистники шутили надъ нимъ; но добрыя сердца еще болѣе любили за по Моцарта. Онъ часпо для друзей своихъ писалъ сонаты, и не оставлялъ у себя копіи. Музыканты собирали ихъ и печатали для своей прибыли. Когда ему о томъ говорили, онъ отвѣчалъ холодно: *это шалуны: что мнѣ дѣлать съ ними?* — Однажды Моцартъ сочинилъ цѣлою оперу для бѣднаго Директора провинціального театра, единственнно съ нѣмъ условіемъ, чшобы онъ не давалъ ее никому списывать въ случаѣ успѣха. Опера полюбилась, и скоро на всѣхъ театрахъ спали играли ее безъ дозволенія Автора. Моцартъ сказалъ опять: *это шалунъ: что мнѣ дѣлать съ нимъ?* и не думалъ болѣе о своей піесѣ.

Въ одномъ маленькомъ городкѣ пришелъ къ нему наспрѣйщикъ, чтобы переимѣнить нѣсколько струнъ на его дорожномъ клавесинѣ. Чпо тебѣ надобно, доброй старикъ? спросилъ Моцартъ. — „Смѣю ли назначить!“, ошвѣчалъ онъ, низко кланаясь, и называя его Высокоблагородіемъ, Превосходительствомъ, высокопочтеннымъ господиномъ Капельмейстеромъ Его Императорскаго Величества. Моцартъ разсмѣялся, и далъ ему нѣсколько червонцевъ.

Лейпцигскіе музыканты, обрадованные его прїѣздомъ въ ихъ городъ, дали въ честь ему концертъ. Моцартъ съ великимъ жаромъ хвалилъ оркестръ и пѣвчихъ; разспрашивалъ о ихъ соспоянїи, и бѣднѣйшимъ изъ нихъ роздалъ всѣ свои деньги.

Къ концу жизни своей, приведенный въ слабость болѣзнїю, и будучи опъ природы меланхолическаго характера, онъ безпреспанно перзался мыслями о смерти и разрушенїи. — Тогда, какъ будто бы желая уйти опъ физическаго мїра и заключиться въ творенїяхъ своего Генїя, онъ работалъ безпреспанно, забывалъ все окружающее его, ишощалъ всѣ силы свои и падалъ безъ чувствѣй на кресла, такъ чпо его какъ мертваго клали на

постелю. Всѣ видѣли, что онъ убьетъ себя такою неумѣренною дѣятельностію воображенія. Прозѣбы жены и друзей не прогали его, и ничто не могло быть для него разсѣянiемъ. Иногда Моцартъ, повинувшись своимъ ближнимъ, соглашался прогуливаться въ каретѣ; но ни въ чемъ не бралъ участія, безпрестанно задумывался, мечталъ — и только онъ спрашнаго претепанія нервъ приходилъ въ самого себя. Жена часто звала къ себѣ друзей его; онъ былъ радъ гостямъ, но не переставалъ работать. Они говорили: онъ не слушалъ. Начинали говорить съ нимъ: онъ отвѣчалъ *да* или *нѣтъ*, и продолжалъ писать.

Въ семь состоянiи Моцартъ сочинилъ свою *Огарованную флейту* и *Титово милосердіе*. Занимаясь первою, онъ всю душу предавался своему Генію, не отдыхалъ ни днемъ ни ночью, не оставлялъ пера, а только ронялъ его въ частыхъ обморокахъ. Въ Вѣнѣ нѣсколько разъ сряду предсказывали ее; но Моцартъ былъ уже такъ слабъ, что наконецъ не могъ править оркестромъ театра. Онъ грустилъ; клалъ передъ собою часы, и слушалъ музыку свою въ воображенiи; говорилъ: *первой актъ конгился; теперь лютиѣ такую-то арію, такое-то дуо*. Вдругъ предсказ-

лялась ему мысль, что скоро все для него кончится: онъ пререпадъ и лишился памяти.

Однажды, когда Моцартъ погружался въ горестныя мысли свои, передъ домою его остановилась карета; вошелъ человекъ, богато одѣтый, среднихъ лѣтъ, и съ важнымъ видомъ сказалъ, что одинъ знатный господинъ, котораго имя не должно быть извѣстно, проситъ его сочинить панихиду на смерть милаго ему друга. Сіе предложеніе и таинственный видъ человека пронули Моцартову душу: онъ согласился. Незнакомецъ скрылся, оставивъ на столѣ 100 червонцевъ. Моцартъ задумался; не слушалъ примѣчаній жены своей на сіе странное явленіе; черезъ нѣсколько минутъ потребовалъ бумаги, и началъ писать. Казалось, что всякая ноша была для него вдохновеніемъ; онъ работалъ день и ночь. Почти насильно сажали его въ карету и возили по улицамъ: Моцартъ не говорилъ ни слова; чувства его казались мертвыми. Черезъ нѣсколько времени незнакомецъ, опять явился: Моцартъ извинялся, что не успѣлъ кончить, обѣщая черезъ мѣсяцъ вручить ему панихиду. Незнакомецъ опять положилъ на столъ 100 червонцевъ, и вышелъ, не хотѣвъ наименовать себя. За нимъ послали

слугу; но слуга потерялъ его изъ виду, и возвратился ни съ чѣмъ. Тупъ Моцартъ совершенно увѣрился, что сей человекъ приходилъ съ того свѣта, и что онъ Ангелъ смерти. Это еще болѣе воспалило его душу; онъ хотѣлъ оспавить по себѣ вѣчный, бессмертный памятникъ; пылалъ духомъ, но угасалъ физически; часто опъ слабости закрывалъ глаза, но снова открывая ихъ, въ ту же минуту принимался опянь за работу; черезъ мѣсяцъ кончилъ. . . . Незнакомецъ пришелъ; но Моцартъ былъ уже во гробѣ!

III.

О Старости.

Рейба, Министръ Протестантскаго Исповѣданія въ Женевѣ, издалъ въ концѣ 1801 году собраніе проповѣдей, которыя умомъ, силою разсужденія и краснорѣчія, не уступаютъ Массильоневымъ (какъ говорятъ Французскіе Журналисты). Мы съ удовольствіемъ переведемъ изъ нихъ одно прогнательное мѣсто о старости.

„Взоръ, помраченный облакомъ; шупня чувствва, которымъ уже ничто льститъ не можетъ; онѣмніе и плягость во всѣхъ членахъ; шѣло вѣшное и

„дрожащее; горестное смѣшеніе бытія съ
 „ничтожествомъ — вопль прогашельное
 „зрѣлице, представляемое намъ спаро-
 „спію! Гоговая жертва смерти, уже со-
 „гбенная подъ ея цѣплями, она естъ бремя
 „для самой себя.

„Не уже ли мало золъ еспешственныхъ?
 „Не уже ли еще прибавимъ къ ничѣ холод-
 „ность и самое презрѣніе? Природа,
 „опшима у челоѣка дары свои, оспав-
 „ляесть ему въ опраду сожалѣніе и нѣж-
 „ную чувспвишельность ближнихъ; но
 „естьли и ближніе опъ него удаляются,
 „погда оспаесть ли что нибудь сердцу
 „его? развѣ жалѣнь, что онъ жилъ такъ
 „долго, и съ неперпѣніемъ ожиданъ сме-
 „рши! О Провидѣніе! мыслить онъ въ
 „душѣ своей: прекрати сѣю долговременную
 „жизнь, которою награждаешь ты миръ
 „спрастей, умѣренность и мудрость, но
 „которая, долженствуя быть вѣнцемъ доб-
 „родѣтели, опъ жестокосердія людей пре-
 „вращается въ ея трудное искушение!

„И естъли убѣдительный гласъ чело-
 „вѣколюбія еще не разилъ нашего сердца,
 „по подумаемъ хопя о самихъ себѣ — и
 „будемъ чувспвишельнѣе! Сей спарець
 „давно ли былъ намъ подобенъ? и не
 „скоро ли мы сами будемъ ему подобны?

„О ты, щастливый своею младостию,
 „красотою или силою! взирай на спарца:
 „въ немъ Природа являетъ тебѣ собствен-
 „ный твой образъ; каждый день нечув-
 „ствительно приближаетъ тебя къ нему,
 „и сходство будетъ совершенно; или время
 „еще ужаснѣе поступитъ съ тобою!

„И такъ, не уважая старости, мы
 „самихъ себя въ будущемъ унижаемъ, и
 „примѣромъ своимъ возбуждаемъ другихъ
 „гнушаться нами со временемъ!

„Сей спарецъ особенно, который со-
 „единенъ узами родства и живетъ съ вами,
 „для пользы семейства вашего истратилъ
 „время и силы свои. Требуя для него на-
 „роднаго почтенія, мы требуемъ, чтобы
 „общество заплашило ему долгъ свой: оно
 „должно конечно успокоить престарѣлыхъ
 „своихъ подвижниковъ, ознаменованныхъ
 „ранами лѣтъ въ его служеніи; — но вы
 „имѣете еще болѣе обязанностей; вы,
 „дѣти его и ближніе, для которыхъ онъ
 „посѣдѣлъ въ трудахъ, и которые на-
 „слаждаешесь ихъ плодами! Сколько
 „разъ колыбель ваша орошалась слезами
 „его нѣжности! *Расти*, говорилъ онъ,
 „расти, дитя милое, для своего и нашего
 „благолучія! Я и въ старости буду весе-
 „литься тобою, какъ ты самъ нѣкогда
 „будешь радоваться дѣтьми дѣтей своихъ!“

IV.

Новый родъ перевода.

Non verbum verbo curabis reddere, fidus
 interpres (*). — *Horat.*

Много писано объ искусствѣ переводить ; имѣемъ тысячи переводовъ , и едва ли десятокъ хорошихъ . Англичане хвалятъ Попова Гомера , Италіянцы Энеиду Аннибала Каро ; мы Французы удивляемся Деллелевымъ Георгикамъ .

Что принадлежитъ до меня , то я изобрѣлъ , кажется , совсѣмъ новый родъ переводовъ , о которомъ по крайней мѣрѣ никто еще не писалъ особливаго ученаго трактата . Тутъ не надобно никакихъ иностранныхъ языковъ , ни мертвыхъ , ни живыхъ ; надобно только переводить съ нашего на собственный же нашъ языкъ . Слѣдуетъ объясненіе .

Я нѣсколько разъ примѣчалъ , что въ свѣнѣ нужно и должно понимать истинный смыслъ шѣхъ , которые съ нами говорятъ или къ намъ пишутъ ; а это иногда очень трудно — не по тому , чтобы люди не умѣли изъясняться , а для того ,

(*) Вѣрный переводчикъ не привязывается къ словамъ .

что они не хотятъ говорить ясно. Выбираю учливое выраженіе для такой идеи, которую грубой человѣкъ выразилъ бы словомъ *лгать*, и утверждаю, что во всякомъ случаѣ должно *переводить рѣчи на мысли*. Знаю, что это не легче обыкновенныхъ переводовъ; и думаю, что самыя темныя мѣста въ Персіѣ и Тацитѣ не темнѣе *переставокъ* личной пользы и *оборотовъ* самолюбія.

Не хочу выдавать себя за Доктора, или мастера въ этомъ важномъ искусствѣ, и времени оставляю довершить мое открытіе. Можетъ быть и мнѣ самому удастся иѣкогда привести науку въ систему; но теперь могу означить только главные правила, изъясняя ихъ примѣрами.

Всякой разъ, когда человѣкъ говоритъ прошивъ своей пользы, когда онъ смиряется, скромничаетъ, открываетъ свои недостатки — берегись! шупъ нуженъ переводъ.

Большія ласки, увѣренія въ особенномъ почтеніи, исчисленіе своихъ достоинствъ, означающіе: *ты мнѣ надобенъ; требую услуги*.

Многія женщины разсердились бы за тѣ похвалы, которыми ихъ осыпаютъ, естли бы онѣ съ молодыхъ лѣтъ привыкли изъяснять ихъ истинный смыслъ.

Вообще всякая похвала другимъ людямъ пребудетъ изъясненія и примѣчаній; но дѣло ни мало не сомнительно, когда мы хвалимъ себя; шутъ нѣтъ загадокъ, и всякой боится быть невразумительнымъ.

Одному человѣку дали важное мѣсто; тебѣ встрѣчается другой, которой искалъ того же мѣста: онъ бранитъ перваго какъ не лзя болѣе; называетъ его дуракомъ, безчестнымъ; приписываетъ ему всѣ возможные пороки. Но что ни скажешь, все можно перевести, однимъ словомъ: *завистникъ!*

Леандръ говоритъ о Сефизѣ, что она мила, и что онъ прожилъ съ нею за городомъ нѣсколько райскихъ дней. Леандръ прибавляетъ, что у нее прекрасныя ноги, апласная кожа, и Онъ улыбается, и не хочетъ продолжать. Это значитъ: *я врала и хвастунъ.*

Авторъ является въ обществѣ съ произведеніемъ ума своего и говоритъ: „милостивые государи! я боюсь вамъ наслучить; пребуду снисхожденія.“ Переводитъ сѣло: *я удостоиваю васъ гести слушать меня, думая, что вы не глупцы, и можете мнѣ удивляться.*

Вчера одинъ молодой супругъ объявилъ мнѣ, что жена его имѣетъ удивительную способность къ Машеманикѣ; что

одинъ молодой Профессоръ изъ дружбы къ нему учить ее, и часа по два сидитъ съ нею одинъ въ кабинетѣ; что онъ крайне доволенъ своею ученицею, и надеется скоро изъяснить ей всего Эвклида. . . . Я не хотѣлъ перевести словъ Профессора для легковѣрнаго мужа.

Я не доволенъ пѣми Драмагическими Авторами, которые заставляють плутовъ открывать ихъ собственныя плушны; плушъ нѣтъ вѣроятности. Самой дурной человекъ не любитъ быть дурнымъ, и долго обманываетъ совѣсть свою; пѣмъ болѣе должно ему другихъ обманывать.

Такимъ образомъ и самъ неподражаемый Расинъ, по моему мнѣнiю, ошибся, заставивъ Нарцисса сказать :

Для щастья своего несчастныхъ погубилъ.

Развѣ то можно сказать въ оправданiе, что злодѣй теряетъ наконецъ чувство справедливаго и несправедливаго; и что гнусный Нарциссъ не считаетъ уже злодѣянiемъ губить несчастныхъ для своего возвышенiя.

Таршюфъ признается ли у Мольера въ своемъ лицемерiи, кромѣ того случая, въ которомъ добродушный Оргонъ долженъ былъ принять его покаянiе за Христiанское смиренiе? Когда благоразумный Кле-

антъ пребуесть отъ него рѣшительнаго отвѣта, лицемѣръ говоритъ:

Уже теперь четвертой часъ.

Спѣшу молиться — извините!

Я долженъ здѣсь оставить васъ.

Зритель переводитъ: *я плутъ, и не знаю, что отвѣчать.*

Когда Зганарель спрашиваетъ, какъ лечить больную дочь, и когда Жосъ совѣщаетъ ему купить для нее кольцо, перстень, золотыя вещицы, тогда славный отвѣтъ Зганареля: *а вы конечно золотыхъ дѣлъ мистеръ, гослдинъ Жосъ?* есть вѣрный переводъ его корыстолюбиваго совѣта.

Министры, судьи, любовники, супруги! хошите ли знать истину? Не полагайтесь никогда на слова; переводите, переводите, и будьте увѣрены, что *прямой* смыслъ почти никогда не бываетъ испитанымъ смысломъ!

Щаспливы два друга, которые, говоря между собою, и даже не договаривая, совершенно понимаютъ одинъ другаго, и никогда не имѣютъ нужды въ переводахъ! Но гдѣ такіе друзья?

(Съ Французскаго.)

О любви къ отечеству и народной
гордости.

Любовь къ отечеству можетъ быть *физическая, моральная и политическая.*

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ; есть дѣло Природы, и должна быть названа *физическою*. Родина мила сердцу не мѣстными красотою, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а пѣнистыми воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утробу и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастье — а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ нѣжные любовники и друзья освящаютъ въ памяти первый день любви и дружбы своей. Лапландецъ, рожденный почти въ гробъ Природы, не смотря на то любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ солнечную Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури,

какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество! — Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ челоуѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ Медики совѣтуютъ иногда больнымъ лечиться ея воздухомъ; не даромъ жительство Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію; а возвращаясь въ дикой Унтервальденъ, въ суровой Гларисѣ, оживаетъ. Всякое распѣніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ Природы и для челоуѣка не измѣняется. — Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкопорыя земли, обогащенныя Природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству: ибо она не была бы тогда общою.

Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ *сообразуется* съ нашею; дѣлается нѣкопорымъ ея зеркаломъ; служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ моральныхъ удовольствій, и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданимъ,

или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая или *моральная* любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе: ибо время утверждаетъ привычку. Надоно видѣть двухъ единоплеменниковъ, которые въ чужой землѣ находясь другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливаться душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше понимаютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единоплеменниковъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ или звеньевъ. — На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой Напурѣ, случилось мнѣ встрѣтить Голландскаго Папріота, который, по ненависти къ Штапгальперу и Ораністамъ, выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи между Нюна и Роля

У него былъ прекрасной домикъ, физической Кабинетъ, библіотека; сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшую картину Природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не зная его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ, и указалъ ему о томъ. Опившъ Голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостію: „Никто не можетъ быть щастливъ, внѣ своего опечесства, гдѣ сердце его, выучилось разумѣть людей, и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ образомъ не лзя замѣнить согражданъ. Я живу не съ тѣми, съ кѣми жилъ 40 лѣтъ, и живу не такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ: трудно прѣучить себя къ новостямъ, и мнѣ скучно!“

Но физическая и моральная привязанность къ опечесству, дѣйствіе Натуры и свойства челоѣка, не составляютъ еще той великой добродѣтели, которою славились Греки и Римляне. Патрїотизмъ есть любовь ко благу и славѣ опечесства, и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія — и по тому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая Философія есть та, которая основываетъ обязанности челоѣка на его щастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу опечесства.

Ибо съ нею неразлучна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его пишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава; и еслили оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго опечесства. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ опечесству, а личное самолюбіе гордость народную, которая служитъ опорой Папріотизма. Такъ Греки и Римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ Англичане, которые въ новѣйшія времена болѣе другихъ славятся Папріотизмомъ; болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ.

Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было не много Папріотовъ; но мнѣ кажется, что мы излишно смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ — а смиреніе въ Политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того безъ сомнѣнія и другіе уважать не будутъ.

Не говорю, чтобы любовь къ опечесству долженствовала ослѣплять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше;

но Руской долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе: ибо обетоятельница была для нихъ щасливѣе; но почувствуемъ же и всѣ благодѣянія Судьбы въ разсужденіи народа Россійскаго; спанемъ смѣло на ряду съ другими, скажемъ ясно имя свое и повпоримъ его съ благородною гордостью.

Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, подобно Грекамъ и Римлянамъ, чтобы возвысить наше происхожденіе; слава была колыбелю народа Рускаго, а побѣда вѣспницею бытія его. Римская Имперія узнала, что есипъ Славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны. Историки Византійскіе говорятъ о нашихъ предкахъ, какъ о чудесныхъ людяхъ, которыми ничто не могло пропивиться, и которые отличались отъ другихъ Сѣверныхъ народовъ не только своею храбростію, но и какимъ-то рыцарскимъ добродушіемъ. Герои наши въ девятомъ вѣкѣ играли и забавлялись ужасомъ тогдашней новой столицы міра: имъ надлежало только явиться подъ стѣнами Константинополя, чтобы взять дань съ Царей Греческихъ. Въ первомъ - десятомъ вѣкѣ Рускіе, всегда превосходные храбростію, не уступали другимъ Европейскимъ

народами и въ просвѣщеніи, имѣя по Религіи тѣсную связь съ Царемъ-градомъ, копорый дѣлился съ нами плодами учености; и во время Ярослава были переведены на Славянскій языкъ многія Греческія книги. Къ чести твердаго Русскаго характера служило то, что Константинополь никогда не могъ присвоить себѣ политическаго вліянія на спечество наше. Князья любили разумъ и знаніе Грековъ, но всегда готовы были оружіемъ наказывать ихъ за малѣйшіе знаки дерзости.

Раздѣленіе Россіи на многія владѣнія и несогласіе Князей приготовили торжество Ченгисъ-Хановыхъ попомковъ и наши долговременныя бѣдствія. Великіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ несчастіи являютъ свое величіе. Такъ Россія, перзаемая лютымъ врагомъ, гнула со славою: цѣлыя города предпочитали вѣрное испребленіе спыду рабства. Жители Владимира, Чернигова, Кіева принесли себя въ жертву народной гордости, и имѣли славу имя Русскихъ отъ поношенія. Историки, упомянутый сими несчастными временами, какъ ужасною безплодною пустынею, опдыхающъ на могилахъ, и находятъ оправду въ томъ, чтобы

оплакивать смерть многихъ достойныхъ сыновъ отечества.

Но какой народъ въ Европѣ можетъ похвалиться лучшею судьбою? Который изъ нихъ не былъ въ ужасѣ нѣсколько разъ? По крайней мѣрѣ завоеватели наши успрашали востокъ и западъ. Тамерланъ, сидя на пронѣ Самаркандскомъ, воображалъ себя царемъ міра.

И какой народъ такъ славно разорвалъ свои цѣпи? такъ славно опмспилъ врагамъ свирѣпый? Надлежало только быть на престолѣ рѣшителъному, смѣлому Государю: народная сила и храбрость, послѣ нѣкотораго усыпленія, громомъ и молніею возвѣспили свое пробужденіе.

Время Самозванцевъ представляетъ опять горестную картину мятежа; но скоро любовь къ отечеству воспламеняетъ сердца — граждане, земледѣльцы пребываютъ военачальника, и Пожарскій, ознаменованный славными ранами, встаетъ съ одра болѣзни. Добродѣтельный Мининъ служитъ примѣромъ; и кто не можетъ отдать жизни отечеству, отдаетъ ему все, что имѣетъ. . . Древняя и новая Исторія народовъ не представляетъ намъ ничего прегательнѣе сего общаго, геройскаго Патриотизма. Въ царствованіе

АЛЕКСАНДРА позволено желать Русскому сердцу, чтобы какой нибудь достойный монументъ, сооруженный въ Нижнемъ Новѣгородѣ (гдѣ раздался первый гласъ любви къ опечеспву), обновилъ въ нашей памяти славную эпоху Руской Исторіи. Такіе монументы возвышаютъ духъ народа. Скромный Монархъ не запретилъ бы намъ сказать въ надписи, что сей памятникъ сооруженъ въ *ЕГО щастливое* время.

ПЕТРЪ Великій, соединивъ насъ съ Европою, и показавъ намъ выгоды просвѣщенія, не надолго унизилъ народную гордость Рускихъ. Мы взглянули, такъ сказать, на Европу, и однимъ взоромъ присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Едва Великій Государь сказалъ нашимъ воинамъ, какъ надобно владѣть новымъ оружіемъ, они, взявъ его, лепѣли сражаться съ первою Европейскою арміею. Явились Генералы, нынѣ ученики, завтра примѣры для учипелей. Скоро другіе могли и должны были перенимать у насъ; мы показали, какъ бьютъ Шведовъ, Турковъ — и наконецъ Французовъ. Сіи славные Республиканцы, кошорые еще лучше говорятъ, нежели сражаются, и такъ часто твердятъ о своихъ ужасныхъ штыкахъ, бѣжали въ Испа-

ати отъ перваго взмаха штыковъ Рускихъ. Зная, что мы храбрѣе многихъ, не знаемъ еще, кто насъ храбрѣе. Мужество есть великое свойство души; народъ, имъ отличенный, долженъ гордиться собою.

Въ военномъ искусствѣ мы успѣли болѣе, нежели въ другихъ, отъ того, что имъ болѣе занимались какъ нужнѣйшимъ для утвержденія государственнаго бытія нашего; однакожь не одними лаврами можемъ хвалиться. Наши гражданскія учрежденія мудростію своею равняются съ учрежденіями другихъ государствъ, которыя нѣсколько вѣковъ просвѣщаются. Наша людскость, тонъ общества, вкусъ въ жизни удивляютъ иностранцевъ, прѣбывающихъ въ Россію съ ложнымъ понятіемъ о народѣ, который въ началѣ семнадцатаго вѣка считался варварскимъ.

Завистники Рускихъ говорятъ, что мы имѣемъ только въ вышней степени *переимчивость*; но развѣ она не есть знакъ превосходнаго образованія души? Сказываютъ, что учителя Лейбница находили въ немъ также одну *переимчивость*.

Въ Наукахъ мы стоимъ еще позади другихъ, для того — и для того единственно; что менѣе другихъ занимаемся ими, и что ученое сословіе не имѣетъ у насъ такой обширной сферы, какъ, на

примѣръ, въ Германіи, Англіи, и проч. Если бы наши молодые дворяне *уѣхавъ* могли *доуѣиваться* и посвящать себя Наукамъ, по мы имѣли бы уже своихъ Линнеевъ, Галлеровъ, Боннеповъ. Успѣхи Литтературы нашей (которая пребуетъ менѣе учености, но, смѣю сказать, еще болѣе разума, нежели собственно пакъ называемыя Науки) доказываютъ великую способность Рускихъ. Давно ли знаемъ, что такое слогъ въ стихахъ и прозѣ? и можемъ въ нѣкоторыхъ часяхъ уже равняться съ иностранцами. У Французовъ еще въ шестомъ-надесять вѣкѣ философствоваль и писалъ Монтанъ: чудно ли, что они вообще пишутъ лучше насъ? Не чудно ли, напрошивъ того, что нѣкоторыя наши произведенія могутъ споять на ряду съ ихъ лучшими, какъ въ живости мыслей, такъ и въ опшѣнкахъ слога? Будемъ только справедливы, любезные сограждане, и почувствуемъ цѣну собственнаго. Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою: Французскіе, Англійскіе Авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но Рускимъ нужно по крайней мѣрѣ вниманіе Рускихъ. Расположеніе души моей, слава Богу! совсѣмъ прошивно сапирическому и бранному духу; но я осмѣлюсь попенять мно-

гимъ изъ нашихъ Любителей чпенія, которые, зная лучше Парижскихъ жипелей всѣ произведенія Французской Липпературы, не хопяшъ и взглянуть на Рускую книгу. Того ли они желаютъ, чпобы иностранцы увѣдомляли ихъ о Рускихъ талантахъ? Пусть же читаютъ Французскіе и Нѣмецкіе крипическіе Журналы, которые опдають справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ (*). Кому не будетъ обидно походить на Даламберпову мамку, копорая, живучи съ нимъ, къ изумленію своему услышала опъ другихъ, что онъ умной человекъ? Нѣкоторые извиняются худымъ знаніемъ Рускаго языка: это извиненіе хуже самой вины. Оставимъ нашимъ любезнымъ свѣпскимъ Дамамъ утверждать, что Руской языкъ грубъ и непріятенъ; что *charmant* и *féduisant*, *expanion* и *vareurs* не могутъ бышь на немъ выражены; и что, однимъ словомъ, не спойтъ труда знать его. Кто смѣетъ доказывать Дамамъ, что онѣ ошибаются? Но муцины не имѣють такого любезнаго права судить ложно. Языкъ нашъ выра-

(*) Такимъ образомъ самой худой Французской переводъ Ломоносова Одъ и разныхъ мѣсцъ изъ Сумарокова заслужилъ вниманіе и похвалу иностранныхъ Журналистовъ.

зишеленъ не только для высокаго красно-рѣчія, для громкой, живописной Поэзіи, но и для нѣжной просопоны, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богатѣе гармонією, нежели Французской; способнѣе для изліянія души въ тонахъ; представляетъ болѣе *аналогическихъ* словъ, то есть сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ: выгода, которую имѣютъ одни коренные языки! Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по-Французски, и не думаемъ трудиться надъ обработываніемъ собственнаго языка: мудрено ли, что не умѣемъ изъяснять имъ нѣкоторыхъ тонкостей въ разговорѣ? Одинъ иностраннй Министръ сказалъ при мнѣ, что „языкъ нашъ долженъ быть весьма теменъ, ибо Рускіе, говоря имъ, по его замѣчанію не разумѣютъ другъ друга, и тотчасъ должны прибѣгать къ Французскому.“ Не мы ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ? — Языкъ важенъ для Папріота; и я люблю Англичанъ за то, что они лучше хотятъ *свистать* и *шилѣть* по-Англійски съ самыми нѣжными любовницами своими, нежели говорить чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ.

Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ все-

гда подражаніемъ; но долженъ со временемъ быть *самъ собою*, чпобы сказать: *я существую морально!* Теперь мы уже имѣемъ сполько знаній и вкуса въ жизни, что могли бы жить, не спрашивая: какъ живуть въ Парижѣ и въ Лондонѣ? что тамъ носятъ, въ чемъ ѣдятъ, и какъ убирають дома? Папріотъ спѣшилъ присвоить опеческву благодѣтельное и нужное, но опвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ!

До сего времени Россія безпрестанно возвышалась какъ въ политическомъ, такъ и въ моральномъ смыслѣ. Можно сказать, что Европа годъ опъ году насъ болѣе уважаетъ — и мы еще въ срединѣ нашего славнаго печенія! Наблюдатель вездѣ видитъ новыя *отрасли* и *развитія*; видитъ много плодовъ, но еще болѣе цвѣта. Символъ нашъ есть пылкій юноша: сердце его, полное жизни, любитъ дѣятельность; девизъ его есть: *труды и надежда!* — Побѣды очистили намъ путь ко благоденствію; слава есть право на шасше.

У. О.

ПОЛИТИКА.

Г.

Пасванъ Оглу.

Оглу означаетъ на Турецкомъ языкѣ сына; следовательно Пасванъ Оглу есть сынъ Пасвановъ. Отецъ его былъ человекъ весьма богатой и почтенной. Въ послѣднюю Турецкую войну съ Россіею онъ командовалъ волоньерами. Визирь, желая присвоить себѣ его богатство и боясь, можетъ быть, его достоинствъ, отрубилъ ему голову. Пасванъ Оглу вмѣстѣ съ отцемъ своимъ былъ взятъ подъ спражу, но скоро освобожденъ, и поселился въ Виддинѣ, въ ожиданіи случая отмстить Турецкому Правительству за такую несправедливость.

Когда Селимъ велѣлъ Виддинскому Пашѣ распустилъ тамошнихъ Янычаровъ, или превратить въ регулярное войско по Европейскому обычаю, и когда они взбунтовались: Пасванъ, будучи однимъ изъ ихъ начальниковъ, явно объявилъ войну Султану, напалъ съ своими Янычарами на Пашу, побилъ его и выгналъ изъ города.

Симъ первымъ успѣхомъ онъ прославился во всей Имперіи, и народъ, почти вездѣ

недовольный новою системою Дивана, явно желалъ Пасвану дальнѣйшаго щастія, считая его великимъ воиномъ и другомъ старинныхъ обычаевъ. Всѣ жипели Виддинскіе приспали къ нему, вмѣстѣ со многими другими недовольными, копорымъ онъ обѣщаль сохраненіе правилъ Алкорана и уменьшеніе народныхъ подапей.

Но Пасвану надобны были деньги для содержанія арміи: онъ послалъ опряды Янычаровъ въ ближнія провинціи, взялъ вездѣ казенныя деньги и требовалъ провіанта опъ Господарей Воложскаго и Молдавскаго, грозя имъ въ случаѣ опказа спрोगимъ наказаніемъ. Господари опнесли къ Портѣ, копорая, слѣдуя обыкновенной своей нерѣшительности, изъ подѣруки дала имъ знать, чшобы они на первой случай успунили силѣ мяшежника.

Греки составляютъ большую часть жипелей Европейской Туреціи. Пасванъ склонилъ ихъ на свою сторону, возстановивъ права, данныя имъ Солиманомъ I, позволивъ поржественное Христіянское Богослуженіе, и обнародовавъ, чшо правиломъ его будетъ всегда свобода и справедливость: волшебныя слова, копорыя обольщаютъ людей!

Порта, вмѣсто того, чшобы послать сильное войско и наказашъ мяшежника,

обѣщала ему возвратить имѣніе отца его, еспли онѣ распустишь армію и будетъ жить покойно. Такая слабость долженствовала ободрить Пасвана; но ему нужно было время и богатство для рѣшительнаго предпріянія, и для того онѣ помирился съ Султаномѣ, на тѣхѣ условіяхѣ, чптобы въ Виддинѣ оспалось все по старому; чптобы новыя подапи были уничтожены, и Янычары сохранили права свои. Селимѣ прислалѣ въ Виддинѣ Фирманѣ и Пашу, которой съ обыкновенными обрядами вступилѣ въ должность; но Пасванѣ, окруженный Янычарами, былѣ сильнѣе его, и дѣлалѣ, что хотѣлѣ, какѣ въ городѣ, такѣ и во всей провинціи.

Хитрый Пасванѣ тѣмѣ еще не удовольствовался: зная, чтию Порпа конечно готовитѣ для него вшайнѣ ядѣ или пеплю, онѣ требовалѣ отѣ Селима, чтпсбѣ онѣ сдѣлалѣ его трехбунчужнымѣ Пашею и Виддинскимѣ начальникомѣ. Султанѣ не смѣлѣ отказать ему явно; однакожѣ не хотѣлѣ наградишь бунтовщика, угадывая, что онѣ рано или поздно объявитѣ себя независимымѣ, и желаетѣ только освободитѣся отѣ спрашнаго для него Виддинскаго Паши, которой всякую минушу можетѣ выпши изѣ - подѣ его власпи, и наказашѣ въ немѣ пресупника.

Диванъ манилъ его обѣщаніями; но Пасванъ, видя обманъ, снова объявилъ себя явнымъ непріятелемъ Правительсва, выгналъ Пашу и послалъ войско въ провинціи для денежныхъ сборовъ.

Храбрые поварици его совѣтовали ему завладѣть Валлахіею и Молдавіею, укрѣпить города на Дунаѣ, и быть основателемъ новаго царства; но онъ, зная Полинику лучше ихъ, предвидѣлъ, что Россійской и Вѣнской Дворъ не дозволятъ ему утвердиться на другой сторонѣ Дуная и быть независимымъ Государемъ.

Но есѣли бы дерзость его опвѣчала его уму; есѣли бы Пасванъ Оглу былъ столь же дѣятеленъ и пылокъ, сколь онъ благоразуменъ, то ему ссавалось бы итти прямо къ столицѣ, рѣшить однимъ ударомъ судьбу Селима, взойти смѣло на его пронъ, одними законами соединить народы, раздѣляемые вѣрою, оживить земледѣліе, торговлю, и новое правленіе утвердить на томъ согласіи часшей, которое ссавляетъ душу и силу государсва: предпріятіе отважное! но успѣхъ былъ тогда весьма вѣроятенъ. Уже Янычары не хотѣли повиноваться Дивану; уже народъ простиралъ руки къ славному человѣку, и называлъ его своимъ защити-

никомъ; даже самые знашныя желали ему щастія.

Пасванъ не могъ рѣшиться — долго колебался, сколько извѣстно по слухамъ, и наконецъ положилъ ожидать въ Виддинѣ Султановыхъ армій.

Между тѣмъ Диванъ повелѣлъ всеѣмъ Пашамъ Европейской Турецкѣи итти противъ опаснаго непріятеля и непремѣнно истребить его. Они соединили около 50000 войска, напали на часть Пасвановой арміи близъ Варны, побили ее, и голову начальника, Серекхола Оглу, опправили въ Константинополь. Но скоро другіе Пасвановы начальники побили на голову ихъ самихъ, и заняли Орсову, Силиспрѣю, Керсову и другіе города на Дунаѣ. Самъ Пасванъ, не выѣзжая изъ Виддина, управлялъ всеѣми движеніями своего войска.

Порта, успрашенная такими великими успѣхами мятежника, рѣшилась наконецъ собрать противъ него всеѣ силы свои, и выбрала начальникомъ Кашипанъ - Пашу, Гуссейна, въ надеждѣ, что вѣрность его послужитъ ему вмѣсто опытности и талантовъ, которыхъ онъ всеѣмъ не имѣлъ. Сему выбору радовались, а можетъ быть и способствовали, Гуссейновы непріятели, желая удалить его отъ Султана

и предать въ жертву хипрому, искусному и храброму Пасвану.

Гуссеинъ не могъ отказатьсья, боясь оскорбить тѣмъ Султана, показаться робкимъ и быть предметомъ насмѣшекъ. Къ тому же онъ надѣялся большими силами побѣдить Пасвана, не смотря на всѣ его военныя хипроси. И такъ благо-разумный Капитанъ - Паша, упавъ въ ноги къ Султану, сказалъ ему: „Государь! „жизнь моя принадлежитъ тебѣ. Исполняя „волю твою, я готовъ ипши проливъ „мятежника; принесу тебѣ его голову „или положу свою. Но сообщники Пасвановы „многочисленны и сильны; друзья его „вездѣ скрываются, и будутъ мѣшати „моимъ предпріятіямъ, еспли ты не „дашь мнѣ полной воли, многочисленнаго „войска и денегъ, нужныхъ какъ для содер- „жанія арміи, такъ и для подкупленія „непріятельскихъ военачальниковъ, копо- „рыхъ искусству обязанъ Пасванъ своими „побѣдами.“

Султанъ исполнилъ всѣ его требованія, и не только Европейскія, но и всѣ Азіяп-скія войска отдалъ ему въ команду. Адріанополь назначенъ былъ мѣстомъ собранія для арміи, которую составляли 100000 человекъ, Янычаровъ, волонтеровъ, Спаговъ и Албанцовъ. Паша Купаедской,

Янинской и Боснійской были подѣ начальствомъ Гуссейна. Такая спрашная армія шла не завоевать государство, а побѣдить бунтовщика и наказать ослушный городъ.

Надлежало думать, что Пасванъ Оглу всячески постарается умножить свое войско, и займетъ ущелины горы Гемуса, чшобы не пропустить черезъ нихъ Турецкую армію, и сею первую неудачею привеспи ее въ безпорядокъ. Но сколь велико было общее удивленіе, когда онъ, вмѣсто умноженія силъ, распустилъ большую часть своего войска, оставилъ всѣ завоеванные города, и съ 12000 отборныхъ людей, самыхъ вѣрныхъ и храбрыхъ, засѣлъ въ Виддинъ! Онъ имѣлъ время заготовить сѣбѣ припасовъ на два года, и со всѣхъ сторонъ укрѣпить городъ, слѣдуя совѣту Польскихъ Офицеровъ, которые управляли его артиллеріею.

Турецкая армія безъ всякаго сопротивленія пришла къ Виддину, и окружила его. У Гуссейна было всего довольно: и провіанту и денегъ; недоставало только искусныхъ начальниковъ для расположенія осады, и храбрыхъ, усердныхъ воиновъ. Осмотрѣвъ городскія окрестности, Капитанъ - Паша назначилъ мѣсто для каждаго корпуса, взялъ, по его мнѣнію, лучшія мѣры для осады, и послалъ къ

Пасвану требовать, чпобы онъ сдался. „Напрасно будетъ швое сопротивленіе,“ велѣлъ Гуссеинъ сказать ему: „у меня „сто тысячъ войска; другія сто тысячъ „въ случаѣ нужды могутъ прийти ко „мнѣ. Раскайся; почувствуй вину свою; „пади предъ Султанскимъ прономъ; отдай „мнѣ оружіе и войско свое; я обещаю „тебѣ жизнь и знатный чинъ, естли „ты пощадишь кровь правовѣрныхъ.“ — Пасванъ принялъ Пашу на высочайшей терассѣ дворца своего, откуда онъ наблюдалъ движеніе непріятели, и съ чувствомъ презрѣнія отвѣчалъ ему: „поди, „скажи швоему начальнику, что я самъ „могъ бы имѣть сто тысячъ войска; „но мнѣ довольно и десяти на то, чпобы „побить его.“

Тогда Гуссеинъ рѣшился взять приступомъ небольшой островъ на Дунаѣ, противъ самаго Виддина; но сей первой опытъ не удался — артиллерія Пасванова загремѣла и попомила большую часть Турецкихъ лодокъ.

Виддинъ со всѣхъ сторонъ окруженъ болотами, и по тому приступъ къ нему весьма шруденъ. Осада шда медленно. Пасванъ дѣлалъ частыя вылазки, и всегда уничтожалъ работы осаждающихъ. Между шѣмъ приближалась зима; въ лагерѣ

начались болѣзни; люди бѣжали — и Капитанъ — Паша долженъ былъ предпринять что нибудь рѣшительное.

Онъ раздѣлилъ всю армію на три колонны: одною командовалъ Паша Кушаедской, другою Янинской, а прешью самъ Гуссеинъ, копорой велѣлъ двумъ колоннамъ разными дорогами итти ночью къ тому мѣсту, гдѣ надлежало бытъ приступу. Къ несчастію онъ, сошедшій въ мѣстѣ, почли одна другую непріятелемъ и вступили въ сраженіе. Паша Янинской увидѣлъ ошибку, но въ досадѣ велѣлъ рубить своихъ. Осипервененіе съ обѣихъ сторонъ было такъ велико, что прешья колонна и самъ Гуссеинъ съ прудомъ могли развести безумныхъ.

Послѣ такого несчастія Капитанъ — Паша снялъ осаду и бѣжалъ; а Диванъ, желая помириться съ мятежникомъ, пожаловалъ его Виддинскимъ Пашею!

Миръ постыдной и ненадежной! Пашанъ презираетъ Порипу, и снова началъ непріятельскія дѣйствія.

Въ разныхъ газетахъ писали, что у него много Французовъ: это не правда. Но Польскіе Офицеры служатъ ему весьма усердно; ихъ можно назвать главною причиною побѣды его.

Въ Турецкіи рассказываютъ не мало чудесъ объ умѣ и характерѣ его; народъ всегда выдумываетъ на пѣхъ людей, которые кажутся ему чрезвычайными. Но то правда, что Пасванъ есть самой хитрой, и въ опасностяхъ самой равнодушной человѣкъ. Кажется, что миръ Турецкіи съ Французскою Республикою можетъ имѣть для него несчастныя слѣдствія.

Оливье ().*

II.

Письмо изъ Константинополя.

Сказавъ, что обширная Оптоманская Имперія съ нѣкотораго времени представляетъ во всѣхъ частяхъ своихъ картину ужаснаго безпорядка, неповиновенія и безначалія, я скажу то, что всей Европѣ извѣстно; но знаетъ ли Европа, что нынѣшнее Турецкое правленіе есть уже не древнее деспотическое, на темномъ Алькоранѣ и волѣ Султана основанное, но совершенная Аристокрація? Сія важ-

(*) Консорой Французскимъ Правительствомъ посланъ былъ въ Турецкію и Персію, и недавно оттуда возвратился.

ная перемена, которая сдѣлалась тайно отъ народа, и только въ дѣйствіяхъ своихъ оказалась, достойна любопытства и описанія.

Два человека въ тишинѣ сочинили планъ, и въ тишинѣ произвели его въ дѣйство: Рашидъ, Рейсъ - Эффенди, или Министръ иностранныхъ дѣлъ, и Челеди - Эффенди, или собиратель пошлинъ. Намѣреніе ихъ состояло въ томъ, чѣмбы ограничить власть великаго Визиря, и чѣмбы Султанъ поручилъ внутреннее правленіе государственному Совѣту или Дивану, который до того времени не могъ ничего дѣлать самъ собою. Они склонили на свою сторону Юсуфа Агу, любимца Султанова, и самую мать добродушнаго Селима III. Она была встревожена слухами о всеобщемъ неудовольствіи народа, о разныхъ бунтахъ въ провинціяхъ, и предложила сыну своему сей новый планъ хитрыхъ честолюбцевъ, какъ самое лучшее средство успокоить Имперію. Селимъ принялъ его, охотно уступая часть власти своей для государственнаго блага.

Кіая Бей или намѣстникъ Визиря, Рейсъ-Эффенди, Челеди-Эффенди, Тефшердаръ-Эффенди или Министръ государственныхъ доходовъ, Торсана-Эмини или Министръ морскихъ силъ, Чау - Паша или

государственной Секретарь, и еще четыре Паша составили новый Диванъ. Въ чрезвычайныхъ его засѣданіяхъ присушествовають еще Капитанъ-Паша, Гуссейнъ, и Юсуфъ-Ага, начальникъ Двора матери-Султанши. Всѣ дѣла рѣшаются по большинству голосовъ; а великому Визирю оставили одну исполнительную власть и право дѣлать возраженія, если повелѣніе Дивана кажется ему вреднымъ для государственнаго блага. Гуссейнъ, будучи невольникомъ при Селимѣ, когда онъ въ достоинствѣ наслѣдника содержался подъ стражею, приобрѣлъ еще тогда любовь его, и былъ имъ не только возведенъ на степень великаго Адмирала, но и женился на сестрѣ Султановой. Юсуфъ-Ага имѣетъ большое вліяніе на систему правленія. Онъ родомъ изъ Кандіи, пріѣхалъ сюда въ бѣдности, и мало по малу черезъ разные хитросны и пронырство сдѣлался знатнымъ и великимъ человекомъ.

Новая Конституція называется *Нансунъ* или уложеніе *Султана Селима*. Последствіе доказало, что такая Аристократія не годится для Турецкаго народа. Правители вздумали истреблять Янычаровъ, считая ихъ для себя опасными; разсѣянными въ провинціяхъ переслали давать жалованье, а бывшихъ въ Константино-

полѣ хопѣли превратить въ регулярное войско. Но это намѣреніе не совершилось: Янычары не приняли Европейской тактики, грозили общимъ бунтомъ, и все осталось по прежнему. Диванъ, имѣя нужду въ деньгахъ, прибѣгнулъ къ новымъ налогамъ, и шѣмъ возмутилъ противъ себя народъ, копорой уже знаетъ, что шеперь все въ рукахъ Совѣпа. Сїи Турецкіе Аристократы не смѣютъ употреблять жестокихъ средствъ для сохраненія порядка, а слабыя не помогаютъ. Селимъ, подѣ опекою Дивана, на все соглашается, что ему предлагаютъ; видитъ зло, и не знаетъ, какъ исправить его.

Теперь будущѣ вамъ ясны слова Пасвана Оглу, повпоренныя въ разныхъ его манифестахъ, что *онъ готовъ покориться Султану, естли Селимъ захочетъ самъ собою царствовать; но что собраніе десяти разбойниковъ не должно располагать имѣніемъ и жизнью правовѣрныхъ.* Недовольные Янычары бѣгутъ къ нему, и войско Пасваново испребляетъ арміи, копорыя Диванъ противъ него посылаетъ, и копорыя не чувствуютъ большой ревности сражаться за 10 Аристократовъ, ни мало не заслужившихъ любви народной. — Въ прежнія времена могъ ли бы Паша Акрской не повиноваться Визирю, бра-

нить его, грозить ему, и въ по же самое время получають ласковыя письма отъ Султана, которой старался только примирить его съ Визиремъ, и не успѣлъ бы въ томъ безъ дѣятельнаго посредства Англичанъ?

Между тѣмъ и въ самомъ Диванѣ много несогласія; и слухъ носится, что Султаныя думаетъ уже нѣкоторыхъ Членовъ удалить отъ себя.

III.

Способъ истребить нищету въ Государствѣ, предложенный Французскимъ Консуломъ.

Двѣ прошивныя склонности владѣютъ человекомъ: любовь къ жизни и къ праздности.

Тамъ, гдѣ люди могутъ удовлетворять вмѣстѣ симъ двумъ склонностямъ, гражданское общество пишется ипунедцевъ, которые живутъ на счетъ другихъ, а сами никому не полезны.

Мудрое Правленіе должно истребить бродягъ и нищихъ, чпсбы лучше пользоваться людьми, возбуждая трудолюбіе — единственныи источникъ *творенія*, народ-

наго множества и государственнаго богатства — чшобы обратити въ благо общесства самыхъ шѣхъ, которые суть бичь его, и чшобы уменьшити число преступниковъ.

Способъ легкой и проспой, уже испытанный съ пользою въ Гамбургѣ и въ Соединенныхъ Облацияхъ, достоинъ благодѣтельнаго Правленія, которое должно заимствовать опъ иностранцевъ учрежденія, спасительныя для Морали и Полицики.

Десять или двѣнадцать начальниковъ семейства, люди имениные и богатые, которые могутъ посвятить себя благу общесства, не требуя никакой награды, кромѣ признательности гражданъ, берутъ на себя попеченіе о бѣдныхъ и сославляютъ Комитетъ благошворенія. Они избираютъ между собою Предсѣдателя, который смѣняется по испеченіи года.

Сии *полетители* назначаютъ въ каждой часпи города 20 или 50 *смотрителей*, которые могутъ безкорыстно шрудиться вмѣстѣ съ ними: ибо намѣреніе сего учрежденія не исполнился, какъ скоро хопя одинъ человекъ будетъ въ немъ на жалованьи; благодѣтельность должна быть единственною душою онаго. Еслии Правленіе захочетъ, то многіе граждане сами вызовущя на такое свяшое дѣло. Уваженіе

общества прелестно для сердецъ нѣжныхъ, и служилъ истиннымъ богатствомъ въ рукахъ мудраго Начальства, умѣющаго имъ пользоваться.

Смотрители каждой части раздѣляють между собою улицы, и, ходя изъ дому въ домъ, записываютъ въ трехъ книгахъ

1) имена богатыхъ гражданъ и сумму, которую они могутъ ежегодно давать для бѣдныхъ, платя ее въ четыре срока;

2) имена гражданъ, которые не имѣютъ ни способа помогать, ни нужды въ помощи;

3) имена гражданъ и семействъ, которые не могутъ жить своими трудами.

Когда возьмется мѣры для пропитанія бѣдныхъ, тогда запрещается уславамъ подавать милоспыню и назначается пеня для ослушнаго, въ пользу бѣдныхъ: ибо всякому изъ нихъ опредѣлено нужное содержаніе. Кто же будетъ еще просить милоспыни, того должно взять подъ спражу и представить въ Комисетъ, гдѣ впишутъ его въ третью книгу и наградятъ; а еслили онъ въ силахъ трудиться, то отправятъ въ рабочий домъ (о чемъ говорено будетъ ниже).

Частные Смотрители подаютъ свои книги главнымъ Попечителямъ, которые опредѣляютъ соразмѣрность между сум-

мами, данными богатымъ гражданствомъ, и нужными для содержанія неимущихъ.

Сихъ послѣднихъ осматриваютъ вторично, чтобы увѣриться въ ихъ дѣйствительной неспособности къ трудамъ; въ противномъ случаѣ употребляютъ бѣдныхъ въ работу, чтобы они и дѣши ихъ имѣли право на помощь благотворенія. Для сего учреждается особенный работный домъ.

Опытъ доказалъ, что число неспособныхъ къ работѣ всегда очень мало, и что ея невозможность бываетъ только слѣдствиемъ временной болѣзни.

Часовые Смотрители всякой мѣсяцъ разносятъ по домамъ опредѣленныя суммы для бѣдныхъ, и назначенныя въ третней книгѣ.

Такимъ образомъ не будетъ бродягъ и нищихъ, которые суть величайшее зло и стыдъ общества; которые, безъ строгихъ мѣръ со стороны Правленія, ужаснымъ образомъ размножаются (ибо человекъ вообще склоненъ къ лѣности), и которые вкореняютъ въ народѣ праздность, мать пороковъ и страшныхъ злодѣяствъ. На общемъ содержаніи останутся только больные и престарѣлые; всѣ другіе войдутъ въ число полезныхъ гражданъ, занимаясь работою. Люди, употребляемые

въ орудіе сего великаго благошворенія, найдушъ въ добромъ сердцѣ своемъ новый источникъ щастія, и самый народъ Французскій, чрезъ такое славное учрежденіе, пріобрѣшетъ новыя права на почтеніе другихъ народовъ.

Сверхъ того Правленіе найдетъ еще другія выгоды въ семъ предлагаемомъ способѣ.

1) Оно узнаетъ число богатыхъ гражданъ, людей посредственнаго сословія и бѣдныхъ во всемъ государствѣ, записанныхъ въ: трехъ особенныхъ книгахъ.

2) Сіе учрежденіе во всякомъ городѣ облегчитъ дѣло Полиціи и дастъ ей свѣдѣнія, нужныя для общаго благоустройства и личной безопасности гражданъ.

3) Заставляя богатыхъ людей безкорыстно трудиться для бѣдныхъ и помогать имъ, Правленіе сближаетъ такимъ образомъ два класса людей въ государствѣ, которыхъ ненависть и презрѣніе другъ ко другу бывають виною всѣхъ безпокойствъ въ гражданскомъ обществѣ.

IV.

Письмо Французскаго Министра Полиции къ Бонапарте.

Гражданинъ Консулъ!

Въ печеніе нѣсколькихъ Декадъ ходилъ по рукамъ письменный Журналъ, наполненный всякаго роду злословіемъ, на счетъ первыхъ людей во Франціи. Не тайная Подписка и не личная ненависть была источникомъ сей гнусной клеветы, удобно распространяемой въ большихъ городахъ, но подлое корыстолюбіе.

Презрительные люди, видя, съ какимъ любопытствомъ иностранцы развѣдываютъ о подробностяхъ жизни нашихъ главныхъ Чиновниковъ, особливо Перваго Консула, вздумали употребить оное въ гнусную пользу свою. Предметомъ сего Журнала было описаніе всего, что Бонапарте говорилъ, дѣлаетъ и даже мыслилъ во всякую минушу дня и ночи.

Сочинители съ удивительною дерзостію рассказывали подробности и обеспокоительства; старые придворные анекдоты съ другими именами сообщались за новые. Иностранцы, живущіе въ Парижѣ, разсылали сей Журналъ по Европѣ. Вотъ источникъ безпокойныхъ и нелѣпыхъ слу-

ковъ, которые съ нѣкотораго времени занимающъ легковѣрныхъ людей какъ во Франціи, такъ и въ другихъ земляхъ! Вошъ источникъ смѣшныхъ басенъ, напечатанныхъ въ Англійскихъ и Нѣмецкихъ Журналахъ!

Полиція читала всякой нумеръ сихъ глупыхъ, несвязныхъ листовъ, и сперва не уважила ихъ; но видя, что безпрестанныя клеветы, иногда два раза въ одинъ день повтораемыя, начинали превожитъ публку, она должна была прибѣгнуть къ разысканію, и скоро нашла, что нѣкто Фуилу, живущій 15 лѣтъ въ Парижѣ безъ всякаго дѣла и дохода, выдумалъ сей *родъ промышленности*. Его взяли подъ караулъ и допросили; снечатали бумаги его, и нашли въ нихъ имена любопытныхъ субскрибентовъ, изъ которыхъ многіе служашъ шпионами для чужестранцевъ.

Теперь ясно, отъ чего были слухи о заговорахъ, ссорахъ и важныхъ происшествіяхъ, которыя въ обществѣхъ рассказывались за великую тайну. *Проницательные люди и вѣстовщики* въ сошый разъ были обмануты глупымъ коварствомъ, хопѣвшимъ обезсладить правила и характеръ главныхъ чиновниковъ Республики.

Удивительно, что иностранцы, живущие въ Парижѣ, могли плашить деньги за такую нелѣпость. Подлые сочинители не знали Консула даже и въ лицо — что видно на всякой страницѣ ихъ Журнала.

Изъявляю вамъ почтеніе.

Фуше.

V.

Извѣстія и замѣчанія.

Г. Эдувиль, который ѣдетъ въ Россію Посломъ отъ Французской Республики, былъ прежде Революціи Офицеромъ въ Драгунскомъ Лангедокскомъ полку, служилъ при началѣ войны въ Сѣверной Французской арміи, оплечился въ разныхъ дѣлахъ, былъ пожалованъ Генераломъ, но скоро отставленъ вмѣстѣ съ Гушаромъ и Ландренемъ, въ то время, когда благородство фамиліальное считалось преспушеніемъ во Франціи. Эдувиль дворянинъ. Одно щастіе могло спасти его отъ гильйотины. Послѣ Роберспьерова паденія онъ вошелъ опять въ службу, и командовалъ Вандейскою Республиканскою арміею противъ Шуановъ, доказы-

вая во всѣхъ случаяхъ не только храбрость свою, но и великое благоразуміе. — Эдувиль не участвовалъ ни въ какихъ злодѣйствахъ Революціи, и въ самыхъ ужасахъ ея сохранилъ имя крошкаго человека. Бонапарте, уважая Россійскій Дворъ, не могъ выбрать лучшаго для Цесарбурга Министра.

Пребываніе Консула въ Ліонѣ ознаменовано непрерывными торжествами и праздниками, которые однакожь не мешаютъ ему заниматься съ великою прилежностію дѣлами. Всякой день предсказываютъ ему Депутатовъ отъ разныхъ Французскихъ городовъ; каждая рѣчь ихъ есть похвальное слово Консулу. Онъ принимаетъ всѣхъ съ великою ласкою, и говоря съ ними, доказываетъ чію состояніе ихъ Департаментовъ въ самыхъ подробностяхъ ему извѣстно. *Когда только дозволятъ обстоятельства,* сказалъ Бонапарте Депутатамъ города Бордо, *то я буду у васъ, желая объѣздить всѣ части Франціи.* Онъ осматривалъ Ліонскія фабрики, и Министръ внутреннихъ дѣлъ назначилъ уже суммы для ихъ ободренія. Славная Ліонская Госпиталь была также предметомъ его вниманія: начальство надъ нею поручено особенному Комиссеру, *составленному*

изъ такихъ людей, которые извѣстны по личной своей добродѣтели. *Благодѣтельные учрежденія*, говоритъ Министръ въ своемъ письмѣ, *служатъ доказательствомъ щастливаго правленія и народной чувствительности. Потребность теловѣколюбія есть законъ для мудраго Натальства.* — Сей Министръ (Шанпаль) во всѣхъ случаяхъ оказываетъ великую ревность къ общему благу; пишетъ умно и краснорѣчиво безъ всякихъ излишнихъ украшеній, непристойныхъ въ министерскихъ сочиненіяхъ. Желая способствовать успѣхамъ земледѣлія, онъ былъ въ Ліонскомъ собраніи Экономическаго Общества, и подарилъ ему нѣсколько тысячъ ливровъ для наградъ за полезныя открытія.

„Праздникъ, данный для Госпожи Бона-
 „парте (пишущъ изъ Ліона) былъ вели-
 „колѣпенъ. Двѣнадцать Ліонскихъ дѣвицъ
 „онѣ имени всего нѣжнаго пола вручили
 „ей корзинку съ дѣшами; она приняла
 „ихъ съ самою любезною чувствитель-
 „ностію. На сценѣ залы былъ изображенъ
 „Андроклъ, вынимающій занозу изъ раны
 „льва. Общее, душевное веселье оживля-
 „лось дѣйствіемъ прекрасной музыки, бле-
 „стящей иллюминаціи и безчисленнымъ
 „множествомъ зрѣтелей; особливо же

„присутствіемъ Консула и супруги его.
 „Какъ скоро они вошли, заиграла му-
 „зыка; имъ пѣли куплеты, сочиненные
 „Лорансенемъ. На всѣхъ дамахъ были
 „шелковыя платья изъ Ліонскихъ мате-
 „рій, а на мужчинахъ шипые кафпаны;
 „даже и на самомъ Бонапарте. Вчера онъ
 „осматривалъ бригаду Египетской арміи;
 „вызвалъ изъ фрунта знакомыхъ ему
 „гренадеровъ; напоминалъ имъ опличныя
 „дѣла ихъ; говорилъ съ ними о многихъ
 „сраженіяхъ, и спаршимъ изъ нихъ
 „роздалъ *погешное оружіе* (*armes d' hon-
 neur.*): Всѣ солдаты кричали нѣсколько
 „разъ: *да здравствуетъ Бонапарте!* На-
 „родъ повторялъ ихъ восклицанія. —
 „Чизальпинская Консульта собирается
 „ежедневно; но зрители не пускаюшъ
 „въ собраніе. Главные Члены безпрестан-
 „но имѣюшъ конференціи съ нашими
 „Министрами и съ самимъ Бонапарте.
 „Слѣдствія еще не извѣстны; говорятъ
 „только, что Консульта предлагала
 „Герою Франціи достоинство вѣчнаго
 „Президента своей Республики, но онъ
 „не согласился; что послѣ того она рѣ-
 „шилась оставить сіе мѣсто незаня-
 „тымъ, а выбрать только Вицъ - Прези-
 „дента, которому во всѣхъ важныхъ
 „случаяхъ должно требованъ совѣшовъ

„отъ Французскаго Консула; и что
 „Людвигъ Бонапарте будетъ Чизальпин-
 „скимъ Виц-Президентомъ. — Консуль,
 „какъ увѣряюшъ, проживетъ здѣсь еще
 „дней восемь.“

Французскій Хранишельный Сенатъ
 долженъ въ силу Конспишудин избиратьъ
 нынѣ новыхъ 60 Членовъ для Законо-
 дательнаго Совѣта и 20 для Трибунала.
 Вѣроятно, что всѣ главные спорщики
 выбудушъ изъ Трибунала; нѣкоторые
 изъ нихъ — Поэтъ Шенье, Метамфизикъ
 Констанъ Бенжамень, оимѣнный дарова-
 ниями Дону — предупреждая свое исклю-
 ченіе, сами хотятъ сложить съ себя до-
 стоинство Трибуновъ. Тогда, можетъ
 быть, Французское Правленіе снова зай-
 мется Кодексомъ. Съ того времени, какъ
 разсужденія о спашьяхъ Уложенія кон-
 чились, Трибуналъ и Законодательный
 Совѣтъ въ совершенной праздности. На-
 родъ видитъ дѣятельность и силу въ
 рукахъ одного Бонапарте.

„Г. Аддингтонъ (пишутъ изъ Лон-
 „дона), не смотря на дружбу съ Пип-
 „помъ, дѣйствуетъ по своимъ мыслямъ
 „и правиламъ. Нынѣшній первый Ми-
 „нистръ есть человекъ справедливый,
 „твердый, умный и просвѣщенный. Сверхъ
 „того главная черта Англійскаго харак-

„перя въ Полишикѣ есть *независимость*
 „*миѣній*; опецъ никогда не пребуеѣтъ отъ
 „сына сѣѣной вѣры къ своему образу мы-
 „слей. Г. Пишпъ можеѣтъ имѣѣтъ влѣянѣе
 „на министерскую систему друга своего
 „посредствомъ однихъ совѣѣповъ и дока-
 „зательствъ. Нѣкоторые люди думаютъ,
 „что Министры все еще бояѣтся тайныхъ
 „видовъ Франціи; но это безпокойство
 „должно исчезнуть, какъ скоро будеѣтъ
 „подписанъ мирный трактатъ въ Амьенѣ.
 „Впрочемъ мы не знаемъ ничего о слѣд-
 „ствіи переговоровъ; глубокая тайна
 „окружаетъ дѣѣствія нашего Кабинета.
 „Кратковременныя отсрочки Парламента
 „заснаваяютъ думать, что скоро общее
 „желаніе исполнится, и миръ будеѣтъ
 „обнародованъ. Тогда, какъ увѣѣряютъ „
 „Пишпъ и Дондасъ войдутъ снова въ
 „Министерство.“

Нѣкоторые любопытные иностранцы
 и Французы нарочно ѣздили изъ Парижа
 въ Амьенъ, желая и надѣѣясь сеѣдать что
 нибудь объ успѣхѣхъ тамошняго Конгресса;
 но возвратились ни съ чѣѣмъ. Министры
 умѣѣютъ храниѣтъ тайну. — Испанскій
 Дворъ, оскорбленный можеѣтъ быть тѣѣмъ,
 что Бонапарте безъ его согласія отдалъ
 Англичанамъ островъ Св. Троицы, не спѣ-
 шилъ учаснвоватъ въ Конгрессѣ; наконецъ,

убѣжденный необходимостію, онъ далъ повелѣніе Парижскому своему Министру ѣхать въ Аѣвель.

Неаполитанскій Король одѣваетъ свою армію въ Австрійскіе мундиры, и вдругъ разнесся въ Европѣ слухъ, что Римскій Императоръ имѣетъ виды на Королевство Неаполитанское! Нѣтъ нужды доказывать, что сей слухъ принадлежитъ къ числу тѣхъ многихъ нелѣпостей, которыми Издатели Вѣдомостей отъ времени до времени питаютъ любопытство своихъ читателей. — Достойно примѣчанія, что въ самое то время, когда верхняя Италия, Франція, Германія и Голландія были опустошаемы наводненіемъ, Неаполитанскія провинціи терпѣли великій недостатокъ въ водѣ отъ засухи, и поселяне, не имѣя колодезевъ, ходили верстъ за десять отъ жилищъ своихъ утолять жажду.

Луккская Республика, славная своею плодородною землею, ошмѣннымъ трудолюбіемъ жителей, а еще болѣе своею *малостію* (имѣя не болѣе 50 миль въ окружности), приняла наконецъ, черезъ посредство Франціи, новую для себя Конституцію, впрочемъ весьма сходную съ прежнею. Исполнительная власть поручена Совѣту двѣнадцати спарѣйшинъ

(Anziani); первый Членъ его есть, какъ и прежде, такъ называемый *Пралорщикъ* или *Гонфалоньеръ* (*), избираемый только на два мѣсяца. Въ большемъ или Законодательномъ Совѣтѣ будетъ 300 Членовъ. — Число жителей сей маленькой Республики, въ городѣ и въ 1500 деревняхъ ея, простирается до 120000. Вѣроятно, что она сохранитъ прежній гордый титулъ свой *la Serenissima Repubblica di Lucca!*

При открытїи Конгресса Американскихъ Соединенныхъ Областей Джефферсонъ, глава его, представилъ картину внутренняго состоянїя Республики и внѣшнихъ связей ея. Въ длинной рѣчи своей онъ радуется общему миру Европы, возстановляющему дружескій союзъ народовъ, основанїе ихъ благоденствїя. „Такой же духъ мира и дружбы (говоритъ онъ) распространился между Индѣйцами, соседями нашихъ предѣловъ; и мнѣ прїятно увѣдомишь васъ, что благодарственное старанїе, открытъ имъ выгоды земледѣлїя и главныхъ Искусствъ общежитїя, имѣло успѣхъ щасливый. Они видятъ уже, что людямъ гораздо полезнѣе обработывать

(*) Титулъ его былъ прежде *Ex. ellenza*: въ одной Луккѣ *Пралорщикъ* назывался *Превосходительнымъ!*

„землю, и заниматься скотоводством, нежели ловить дикихъ звѣрей и рыбу, какъ для пищи, такъ и для одежды. Число ихъ прежде спрашнымъ образомъ годъ ошь году уменьшалось: теперь многие Индѣйскіе народы ежегодно размножаются ошь благодѣянія гражданскихъ Искусствъ.“ — Джефферсонъ входитъ во всѣ подробности внутренняго правленія, и видитъ вездѣ щастливые плоды мудрой гражданской системы.

Судьба Египта рѣшилась. Визирь и Капипанъ - Паша, взявъ подъ спражу Беевъ, принудили ихъ ошказаться ошь всѣхъ правъ на Египетскую землю; но сами поклялись имъ Алкораномъ, что Султанъ наградитъ ихъ за послушаніе. Нѣкоторые Бей хотѣли обороняться; и были убиты; другіе ошправлены въ Конспантинополь; двое спаслись бѣгствомъ. Англійскій Генераль Гопчисонъ хотѣлъ защитить ихъ; но Капипанъ - Паша напомнилъ ему, что Англія обѣщала Поршѣ не вмѣшиваться въ правленіе земли. Египетъ будетъ управляемъ четырьмя Пашами. Не лзя не пожалѣть о судьбѣ его!

Конецъ первой Части.

О Г Л А В Л Е Н І Е
П Е Р В О Й Ч А С Т И.

Я Н В А Р Ъ. № 1.

	Стран.
I. Письмо къ Издателю.	3
II. Альцибиада къ Периклу.	9
III. Народный Британскій Памятникъ.	17
IV. Исторія Французской Революціи, избранная изъ Латинскихъ Пи- сателей.	20
K. Женскіе парики.	38
VI. О просвѣщеніи.	41
VII. Жанъ - Жакъ Руссо въ Тюльери.	45
VIII. Трогательное воспоминаніе.	47
IX. Меланхолия.	53
X. Портретъ милой женщины.	55
XI. Анекдоты о Винапартѣ, еще не- известныя.	60
XII. Нѣчто о нынѣшнемъ Парижѣ.	63
XIII. Всеобщее обозрѣніе.	66
XIV. Изображеніе состоянія Француз- ской Республики, представленное Консуламъ Законодательному Совету.	84
XV. Слѣсъ.	98

	Стран.
I. Истина, Индѣйская сказка.	1
II. Худой отгадчикъ.	8
III. Письмо Парижскихъ музыкантовъ къ Гайденеу.	16
IV. Дудовикъ XVI.	18
V. Письмо изъ Парижа.	28
VI. Король Цесарь, Негръ въ Америкѣ.	35
VII. Островъ Святой Елены.	38
VIII. Бонапарте въ пирамидѣ.	44
IX. Странность.	52
X. Новый монументъ Виргилія.	58
XI. Смѣсь.	60
XII. Рѣчь Депутатовъ Французскаго Законодательнаго Совѣта, въ отвѣтъ Консуламъ на обнаруженную ими картину Республики.	66
XIII. Объявленіе отъ имени Перваго Консула въ Законодательномъ Совѣтѣ.	70
XIV. Письмо изъ Генуи.	72
XV. Письмо изъ Соединенныхъ Американскихъ Областей.	75
XVI. Дѣйствія войны и Революціи.	77
XVII. Плоды войны и мира для Франціи и Великобританіи.	78
XVIII. Письмо изъ С. Доминго, Французскаго Американскаго острова.	79
XIX. Извѣстія и замѣчанія.	80

ФЕВРАЛЬ. № 3.]

	Стран.
I. Новая Политика.	1
II. Когда онъ возвратится?	7
III. О дикомъ человѣкѣ въ Парижѣ.	14
IV. Свѣдѣній контрактъ.	19
V. Вальтеръ и Декенъ.	29
VI. Письмо Дона Иакинто Гарсиа, Губернатора Гишпанскихъ владѣний на островѣ С. Доминго, къ Президенту Соединенныхъ Областей Америки.	33
VII. О Французскомъ Епископѣ, бывшемъ первымъ Министромъ въ Кохичинѣ, и недавно умершемъ.	36
VIII. О славномъ Гальванн.	40
IX. Новая сочиненія Господи Неккеръ.	46
X. Медоръ.	49
XI. Смерть Шелехова.	52
XII. Къ Эмили.	61
XIII. Рѣчь Государственнаго Совѣтника Порталиса, которому поручено было отъ Консуловъ представить на разсмотрѣнiе Законодательному Совѣту новый проектъ гражданскаго Уложенiя для Францiи.	65
XIV. О послѣднихъ военныхъ дѣйствiяхъ въ Египтѣ.	77
XV. Письмо изъ Балтимора.	87
XVI. Смѣсь.	90
XVII. Извѣстiя и замѣчанiя.	94

ФЕВРАЛЬ. № 4.

Стран.

I. Какой день! или семь женщинъ, Аллегорическая сказка. - -	1
II. Анекдоты изъ жизни славнаго Моцарта. - -	37
III. О старости. - -	48
IV. Новый родъ перевода. -	51
V. О любви къ отечеству и народной гордости. - -	56
VI. Пасванъ Оглу. - -	70
VII. Письмо изъ Константинополя.	79
VIII. Способъ истребить нищету въ Го- сударствѣ, предложенный Фран- цузскимъ Консуламъ. -	83
IX. Письмо Французскаго Министра Полиціи къ Бонапарте. -	88
X. Извѣстія и замѣчанія. -	99

О Россійскихъ книгахъ.

Въ Университетской книжной лавкѣ, что на Тверской, у содержателей Университетской Типографіи Люби, Гарія и Полова, сверхъ многихъ другихъ книгъ, можно получить сочиненія и переводы Николая Михайловича Карамзина:

Сочиненіе новѣйшее: Историческое Похвальное Слово ЕКАТЕРИНѢ Второй. Оно раздѣляется на три Части: въ первой, послѣ вступленія, изображаетъ Авпоръ побѣды Рускихъ при ЕКАТЕРИНѢ; во второй Части Законы ЕЯ и духъ правленія; а въ третьей благодѣтельныя учрежденія; заключеніе сошавляющъ мысли о характерѣ Великой Государыни. На лучшей бумагѣ безъ переплета и въ бумажѣ 1 руб. 80 коп., въ лучшемъ переплетѣ 2 руб.

Аглая, книжка 1 и 2 я, въ переп. 2 руб. 50 коп.

Аониды или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній, 3 книжки, въ пер. 5 р. 20 к.

Мои бездѣлки, 2 книжки, въ переп. 2 руб. 50 коп.

Бѣдная Лиза съ каршинкой, въ пап. 1 р.

Юлія, въ папкѣ 60 коп.

Медина, переводъ изъ сочиненій Гж.
Спаль. въ папкѣ 50 коп.

Новыя Мармонтелевы повѣсти, 2 Тома.
въ перепл. 3 руб. 20 коп.

Разговоръ о щастіи, въ пап. 70 коп.

Пантеонъ иностранной словесности,
переводъ. 3 Тома. въ пер. 4 руб. 30 коп.

Письма Рускаго Путешественника, 6 То-
мовъ, въ перепл. 9 руб. 10 коп.

Особо 5й и 6й Тома въ папкѣ 3 руб.
60 коп.

Особо 6й Томъ, въ папкѣ 1 руб. 80 к.

Любители полезнаго и пріятнаго чте-
нія, имѣющіе пребываніе свое внѣ Москвы,
въ какомъ бы то ни было отъ нее разсто-
яніи, желающіе сіи книги, или какія другія
имѣшь, могутъ адресоваться въ помянутую
лавку, въ которой всякое препорученіе Особъ
удостоившихъ ее своею довѣренностію всегда
будетъ исполнено исправно и скоро.